

М. ВЕЛЛЕР

ГОНЕЦ ИЗ ПИЗЫ

Михаил Веллер
Гонец из Пизы

«АСТ»

2000

Веллер М. И.

Гонец из Пизы / М. И. Веллер — «АСТ», 2000

ISBN 978-5-17-013935-4

Эта книга – о том, что мечтают сейчас, откровенно говоря, сделать многие, да не хватает духу и останавливают непреодолимые препятствия. Но герои Михаила Веллера преодолевают препятствия. Сюжет его нового романа головокружителен и прост, реалистичен и невероятен одновременно.

Роман смешон и печален, добр и зол; язык его легок, но последовательная мстительность мысли даже пугает. Книга рассчитана на читателей, которые хотели бы крепко встряхнуть окружающую жизнь за шкуру, а это, мягко говоря, широкий круг.

ISBN 978-5-17-013935-4

© Веллер М. И., 2000

© АСТ, 2000

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	7
3	8
4	10
5	12
6	15
7	16
8	18
9	20
10	21
11	23
12	24
Часть вторая	25
1	25
2	28
3	30
4	33
5	38
6	41
7	43
8	47
9	52
10	58
11	61
12	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Михаил Веллер

Гонец из Пизы

Часть первая

Депутат Балтики

1

Что тебе снится, крейсер Аврора?
Зигмунд Фрейд, Толкование сновидений.

Корабли постоят. И ложатся. На курс.
Но они возвращаются...
Владимир Высоцкий, Лоция.

Все вымпелы выются и цепи гремят!
Песнь варяжского гостя из оперы Садко.

Пролетариям терять нечего, кроме своих цепей,
возьмемся за руки, друзья, соединяйтесь.
Реклама шоколада Маркс.

И тогда нам экипаж – семья.
Свадебный марш Мендельсона в постановке Р.Виктюка.

Забил заряд я в тушку Пуго.
М. Ю.Лермонтов, Октябрино.

И тогда Снорри Стурлусон снарядил большой корабль, чтобы
достичь того берега.
Младшая Эдда.

Все, что плавает, раньше или позже утонет.
Архимед, Физика.

Атакуйте! Топите их всех!
Резолюция gross-адмирала Деница.

Ты лжец, Нам-Бок, ибо все знают, что железо не может плавать.
Джек Лондон, Морской волк.

Семь футов под килем!
Формула счастья.

Полундра!
Честное предупреждение.

«Изъятие испорченного листа из вахтенного журнала оформить актом. Дежурному по кораблю лейтенанту Беспятым за порчу вахтенного журнала и нахождение на вахте в нетрезвом состоянии объявляю пять суток ареста при каюте.

Командир корабля капитан первого ранга Ольховский (подпись)».

2

Давайте назовем это для пушей внятности экспозицией, или рекогносцировкой, или привязкой по местности, или преамбулой. Ступим на мостовую с тротуара, поднимем руку, и почти сразу частник из правого ряда отслоится от движения Невского, вильнет к бровке и притормозит, перегнувшись к правой дверце.

– К Авроре. – И поясним для непонятливых, чтоб не переспросили насчет кафе, магазина, ресторана или гостиницы: – К крейсеру. – И уж для самых туповатых уточним: – На Петроградскую набережную. К Сампсониевскому мостику. – И хотя последнее уточнение звучит явно излишним, но способно доставить самому клиенту удовольствие своей осведомленностью.

Разумный водитель тут же свернет по Большой Конюшенной к Мойке, обогнет Марсово поле вдоль Лебяжьей Канавки, вырулит на набережную Невы и через Троицкий мост перескочит к Петропавловке – а там направо по Петровской, мимо громады Дома политкаторжан и крошечного домика Петра, пятьсот метров до поворота – и вот слева из-за угла, где проток Большой Невки отделяет Выборгскую сторону с бело-голубой коробищей гостиницы Санкт-Петербург, – вылезает фок-мачта и мостик легендарного революционного крейсера.

В масштабе города он производит впечатление ностальгически небольшого. Две мощные, коробчатого металла штанги намертво приварили его правым бортом к набережной. А на самой набережной торгуют кока-колой, матрешками и значками. И вахтенный в скворечнике перед трапом скучает детским лицом.

А теперь – несколько слов про всем известный трехтрубный силуэт, шаровую краску, оттяжки стеньг, узкий латунный оклад иллюминаторов, и сомнение, стоит ли упоминать несомерно незначительные орудия, четырнадцать шестидюймовых стволов которых, впрочем, теоретически способны разнести все в радиусе пятнадцати километров. Крейсер не выглядит самоходной подставкой для своей артиллерии – каковой он, в сущности, является: мысль об этом странна, корабль – нечто значительное, цельное, комфортное для восприятия.

И однако ощущение общей ненужности и неожиданной неинтересности экспоната не оставляет зрителя. Слишком уж недотягивает бытовой облик оригинала до его мифической сущности. Виной тому и тотальная разочарованность эпохи, и нерешенность рутинных забот, равно пригибающих команду и посетителей.

Вход бесплатный.

3

Подобно многим гадостям и проблемам, эта пришла со стороны Финляндского вокзала. Впоследствии, многократно возвращаясь мыслью к началу всего, Ольховский усматривал ехидный перст судьбы в том не лишенном символа обстоятельстве, что англичане явились непосредственно после осмотра ленинского паровозика (германской постройки локомотивы обслуживали российские линии той эпохи; и что стоило котлу взорваться бы когда надо) и памятника на площади, где вождь указывал на юг, в сторону Москвы, стоя на башне броневика английской системы Остин, пулемет которого был сориентирован параллельно с указующим жестом руки. Город-музей Петербург вообще так густо профарширован символами, что куда ни плюнь – во всем готова явить себя изящная до назойливости аллегория.

Перст судьбы, да еще ехидный, в подсознании ассоциировался с общей греховностью, и позднее Ольховский придумал в качестве определения своей роли в истории красивую и многозначительную фразу: На всяком грех, да не всякому крест. В курсантские годы он пописывал стишки. Вообще во многих каперангах погибли эстеты и интеллектуалы. Служба такая. Может, оно и к лучшему.

Неизвестно на кой черт Ольховский прогнулся и выставил сигнальщика, чтоб он засек, значит, англичан непосредственно от их двухбашенного броневика, передавшего исторический привет нашему двуглавному орлу. Хотя приданный им кавторанг из Главупра флота был специально снабжен мобильным телефоном – для лучшей координации действий в таких случаях.

Телефон позвонил, сигнальщик доложил, Ольховский выждал время по часам и лично поднялся на палубу.

Английские гардемарины вырабатывают осанку так: встают к стене, касаясь ее пятками, икрами, ягодицами, лопатками и затылком, так что задний фасад сливается с идеалом вертикальной плоскости, и стоят так по полчаса и более ежедневно, вбивая в память тела требуемую офицерскую выправку до полного автоматизма. Ольховский подумал об этом, встречая англичан у трапа: не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы определить британского морского офицера в штатском среди толпы. Здесь же они были в форме, маленьким стройным ордером в семь единиц.

Делегацию бывших союзников возглавлял коммодор Горацио Уоллпол. Через час присутствия англичан на борту Ольховский ощущал свой крест чем-то вроде гвоздя в пятке, и гвоздь этот рос и превращался в кол, причем совсем в ином месте: это ощущение способствует флотской прямоте осанки, но мало полезно для хорошего настроения. Даже недолгое общение с тезкой славного Нельсона позволяло ясно понять, почему многочисленные народы Британской Империи веками мечтали перерезать всех англичан. Для большего уподобления хотелось как минимум выбить ему глаз.

Картинно седой и сухопарый коммодор совал этот глаз в паре с другим во все дыры так, словно от его усилий напрямую зависела история – например, еще немного усилий, и личными героическими действиями крейсера Аврора будет выиграно Цусимское сражение, как следствие – вся Русско-Японская война, революции девятьсот пятого года не будет, и вообще все теперь пойдет иначе.

Он выразил свое непонимание по поводу отсутствия элеватора бакового орудия – того самого, с надраенной латунной табличкой на щите. Ведь посетители не поймут, как и откуда подавались снаряды?.. Посоветовал наполнить беседочные гильзы главного калибра декоративными пороховыми картузами – для наглядности. Снятые ступени трапа на верхний мостик (чтоб посетители не лазали) заставили его постоять и тупо посмотреть на то место, где им полагалось быть. При виде действительно жалких остатков машинного и котельного отделений он подергал углом рта, словно туда была приклеена веревочка. Вежливо удивился общей

душевой в офицерском коридоре. А в командирском салоне изъяснил сожаление по отсутствию двух казематных семидесятипятимиллиметровок и заваренным портам для них – это позволяло ощутить боевой дух офицерского быта. Гость. Ну не сука ли.

В резком свете ветреного апрельского дня крейсер светился, играя бликами и треща флагами. Выходя на открытые палубы, офицеры придерживали фуражки. Ольховский таскал англичан по Авроре лично, проклиная тараканью дотошность сильно образованных бывших собратьев по оружию. Английская вежливость имела унижительную форму. Ольховский указывал на безукоризненное качество тиковых настилов и врал про работающую паровую машину командирского катера. И мстительно прикидывал минуты до поры, когда уложит британцев поперек салона правильными дозами водки в грамотном темпе флотских тостов за дружбу, море, походы, победы, карьеры и шторма.

Но топороподобные тараны британских мореманов цвет имели сизый, как боевой металл, не только от пребывания на холодном ветру, и этот номер в командирской программе также не прошел. Выпили за флаги и корабли, Ее Величество и Президента, исполнение долга и непотопляемость, но Ее Величества флота офицеры лишь все более соответствовали тройному исключению из правил на суффикс ян: стеклянный, оловянный, деревянный. Банку они держали блестяще. Надобно и учесть, что традиционный ром в полтора раза крепче водки: школа.

– Рул Британия, – с угрюмым уважением признал старпом.

– Боже царя храни, – по размышлении отозвался коммодор.

Сопровождавший англичан кавторанг уже делал страшные глаза – что удавалось легко, глаза стали красными и стояли поперек лба. Уже пыхнули и поплыли кольцами клубы кэпстена и вонючие струйки Петровских. Уже ушастый, как чайник, английский лейтенант тихо поставил недопитую чарку. Уже Ольховский открыто и лицемерно взглянул на часы: не задерживать гостей в их насыщенном петербургском графике. Когда – Уоллпол щелкнул пальцами, взял у своего личного вестового (!) кейс, вынул из него бланк и развинтил авторучку толщиной с мачту – дорогой Waterman, как определил Ольховский, поднаторевший за годы командирства на Авроре в аксессуарах дипломатии.

Коммодор заполнил бланк и повернул к Ольховскому.

– Я имею честь от имени Британского Адмиралтейства пригласить господина капитана первого ранга посетить с ответным визитом Ее Величества корабль Белфаст. Все расходы по визиту Адмиралтейство берет на себя. – Встал, выпрямив спину (которой, впрочем, никогда не сгибал вообще), пожал Ольховскому руку и со сдержанной церемонностью вручил лист с тисненым коронным львом и Юнион Джеком.

Кавторанг сделал глаза, от которых сдуло бы собаку Баскервилей. Англичане заплодировали, русские налили.

Таким образом, если кого винить во всем, так это англичан.

4

А зимой commodore Уоллпол прислал каперангу письмо. Будем же веселиться, пока не вовсе состарились, – писал настырный англичанин, – ведь живем мы только раз, да еще в Англии и России: и то, и другое не пустяк, от любой из этих бед можно поседеть в одночасье... Ольховского с этим письмом вызвали в бывший политотдел и долго пытали, что, собственно, англичанин имел в виду, еле открестился Ольховский. Странное какое-то письмо, с подколкой и несовременное, даже при помощи мюллеровского словаря и университетского трехго-дичника Беспярых многое каперангу перевести не удалось.

Короче, в Англию Ольховскому после этого письма захотелось еще больше и особеннее. Кому ж не захочется повеселиться в Лондоне, пока не вовсе состарился, за счет Британского Адмиралтейства. А что commodore шизанутый – мы у себя и не к таким привыкли, лишь бы платили.

В советские времена индивидуальное приглашение офицеру за границу, в капстрану, да еще член НАТО, да полученное лично в руки, да на официально-дружественной пьянке, причем вдобавок офицер этот – капитан первого ранга и командир корабля, а корабль, ему вверенный, – не тральщик какой-нибудь зачуханный, а прославленный и весь из себя черт знает какой идеологический флагман всяя державы и ее флотов революционный крейсер-музей Аврора!! – такое приглашение скорее всего могло стоить офицеру дальнейшей карьеры, невзирая на. Ни на что не взирая. Это было равносильно приглашению на Колыму. Вон Большой Дом на Литейном высится через реку.

Но в новые времена, когда за Родину бьются мастера машинного доения Западной коровы, задробить приглашение начальство могло исключительно из зависти. Зависть испытывают к тем, кто сумел больше надоить в свой карман. На Авроре же красть решительно нечего. Музей – он музей и есть, причем из тех, где ни бриллиантов короны в запасниках, ни сокровищ мирового искусства на стенах. Кради не хочу матросский чайник образца девятьсот первого года. Нищ, как вдовая церковная крыса, музейный сотрудник; и должность командира такого музея – род почетной ссылки, тупик полусостоявшейся карьеры. Команды всей – сорок человек, пищевого и вещевого довольствия на них выписывается с гульки-нос, топлива и прочего добра – и того меньше, и кукует себе господин командир на зарплату, которой и кукушке всегда не хватало на воспитание детей.

А ответственности – как у командира офицерского атомохода: сплошные иностранцы шастают, от экипажей нейтральных шведских фрегатов до султанов Брунея и прочих цветных набобов, красы и грозы джунглей третьего мира и почти того света. Только и трясись, как бы честь флота не уронить, за упомянутую-то зарплату, которую по полгода упоминают, пока наконец дадут: жрать не на что, но честь поддерживай и уронить не моги. Опомнишься однажды – а ронять-то и нечего. Инфляция.

И нахимовцы постоянно на корабле околачиваются. Практиканты. Училище напротив. А где практикант – там бардак: водка, анаша и пропажа латунных гаек, которые можно продать на цветмет. Боевая рубка на амбарный замок закрывается, штурвалы наводки орудий шкертами привязаны!

Конечно, нахимовец – дармовая рабсила: прибрать-покрасить. А все равно неприятно – не служба, а детский сад. И вообще Нахимов – фамилия подозрительная, нерусская какая-то, строго говоря, фамилия. Нахим – що це таке? В истории флота про то ничего не указано, но есть слух, что из кантонистов был, не еврейским ли душком припахивает.

Так что служба у капитана первого ранга Петра Ильича Ольховского – не мед, как может показаться какому-нибудь бедолаге из Совгавани, гниющему годами безвылазно на своем железе по случаю отсутствия городской квартиры (если считать Совгавань городом). Родной

флот позаботится, чтоб к каждой ложке меда офицеру неукоснительно прилагалось полбочки дегтя.

В управлении флота ему отцедили меда пипеткой: решение приняли соломоново, оно же традиционное. Сформировать делегацию из трех человек: один контр-адмирал из управления, второй – из штаба флота, а третьим с ними, в довесок, собственно приглашенный, каковой и едет на счет приглашающей стороны, согласно договоренности. Предложение это внес сам Ольховский: они там все наверху провернут, под это дело и его пустят.

В апреле делегация погрузилась на теплоход Балтика и немедленно выпила. Трепещи, гордая Англия, скоро мы тебя покараем!

5

Во времена легендарные лейтенант Беспярых был бы либо комиссаром, либо комиссаром расстрелян. Во времена новая борьба за идеал затруднена отсутствием идеала, духовное пространство приобрело все черты финансового при отсутствии собственно финансов, и Беспярых, напевая песню своего отрочества Мы охотники за удачей – птицей цвета ультрамарин, углубился в поиски истинного идеала, взыскуемого душой, доведенной происходящим до психоза.

На флот он попал случайно и, как обещали, временно. После философского факультета Университета поступил в аспирантуру и уже почти окончил диссертацию по теме Развитие классической диалектики в русской философии начала XX века. Непосредственно после сдачи кандидатского минимума терпение у военкомата лопнуло, потому что число дезертиров и инвалидов по округу превысило норму призыва. Выскабливанию подверглись все сусеки, где могли самостоятельно передвигаться и знали таблицу умножения. Василеостровский военкомат забивал в том году флотскую разрядку, и превзошедшего воинскую премудрость на военной кафедре университета Беспярых приписали к флоту. Как специалист по идеологии он должен был способствовать поддержанию революционно-исторической атмосферы на Авроре.

Иезуитская мудрость властей сказывалась и в том, что из гуманитаров университета традиционно готовили артиллеристов. Очевидно, военная специальность должна была компенсировать гражданскую. Здесь усматривается связь с другой песней, еще более старой: Артиллеристы, Сталин дал приказ!. Искусство ставить гуманитарную мысль на пользу государству относится к числу древнейших. Философская подоплека артиллеризма яснее всего проявилась в лозунге, некогда алевшем над пушками у входа в Первое высшее Ленинградское артиллерийское училище: Наша цель – коммунизм!. Это было лучшим украшением Московского проспекта, повышавшим настроение прохожих в далекие семидесятые годы.

Философ-артиллерист Беспярых сдал на допуск к самостоятельному заведованию и стал врио командира БЧ-2. Господин старший стрелок.

И вот теплым апрельским воскресеньем, в тот по-особенному томительный час, когда день переходит в вечер и небо начинает линять в оттенки фруктового салата, а низкое солнце от Адмиралтейства слепит и бьет вдоль фасадов Невского, он фланировал по проспекту. Стилистика архаичного фланировал точнее всего передает его походку, настроение и характер движения.

Он был в форме. Иногда ему нравилось вылезать в ней в город. Офицерская форма разнообразит и льстит самоощущению интеллигента. Оставаясь философом, одновременно он был боевым флотским лейтенантом: мудрость и лихая мужественность в одном флаконе. Форма стройнила и утверждала личность еще в одном качестве. Человеку свойственно играть не в того, кто он есть на самом деле. Такова психология маскарадной культуры.

Греемый в спину солнцем, он близился к павильону метро Площадь Восстания, когда услышал за толпой прохожих ритмичный побряк и припев, а затем увидел и тех, кто издавал эти неправославные звуки.

Полтора десятка бритоголовых ребят в канареечных балахонах приплясывали и пристукивали в бубны. За шумом машин и призывом лотерейщицы непосвященный мог различить примерно следующее:

О мама – мама мыла раму,
А Мата Хари мыла Кришну!

Беспярых с удовольствием подумал о тонкой универсальности индуизма и изощренном богатстве его религий, вплоть до вот такого формально примитивного экспортного кришнаизма, когда одна из бритых голов показалась знакомой, причем неуместно знакомой. Неуместность заключалась в том, что голова принадлежала матросу с родного крейсера, и не было оснований сомневаться, что тело под ярко-яичным сари принадлежит ему же.

Будь лейтенант в штатском, он из уважения к чуждой ему, но безвредной и гуманной религии постучал бы перед матросом пальцем по лбу и проследовал своим путем. Но матрос, зацепив взглядом черную форму, ухмыльнулся с неудержимой радостью, и по этой беспричинной радости, а также по розовым, как у нежного кролика, глазам делалось понятно, что он хорошо подкурен.

Форма возобладала над содержанием: философ впал в офицерскую ярость. Матрос был оттащен за руку, освобожден от пацифистского одеяния, охарактеризован непотребно и отконвоирован на корабль.

В каюте, с нервного разгона проводя воспитание лично, Беспярых спросил с гадливой гримасой:

- Почему матросы зовут тебя Груней? Ты что... Груня?
- Никак нет, товарищ лейтенант. Я не голубой.
- Желто-розовый... коз-зел! Н-ну, что ты поешь по улицам... псалмопевец?
- Махамантру... товарищ лейтенант.
- Зачем?!
- У нас свобода вероисповедания, товарищ лейтенант.
- Что ты в этом понимаешь, балда? Или тебе лишь бы балдеть? Смир-на! Вольно! Садись! Кури! И не занимайся тем, в чем ничего не смыслишь. Молчать! Тебе увольнение зачем дали?!
- Отдыхать...
- Отдыхать! А ты что? А ты знаешь, что сегодня на обед корову съел, кришнаит? Да это хуже, чем командира убить!
- Сколько той коровы... не разглядеть...
- Макароны с говяжьей тушенкой!
- Да не было там тушенки, товарищ лейтенант. Так, один запах. Если волоконце и попало случайно... А и съел, так лучше хоть отчасти искупить. Есть-то охота, вот и жрешь... Вообще-то я не знал, что это говядина.
- А ты думал – омар? Хайям?
- Я думал – свиная тушенка...
- Ну ты остряк. Ну ты дубина. Вообще мяса нельзя! Что – не знаешь?!
- Да какое там мясо на нашем камбузе... Это простится. Я дух просветлял...
- Долбанный ты дух! Ну подумай: как может кришнаит служить на военном корабле?
- Что ж я, добровольцем шел? Призвали. Дезертировать, что ли призываете?..

Беспярых вздохнул, покачал головой сокрушенно и бессильно, снял с полки над столиком Юнга и скорее в подтверждение себе, чем для дурного матросика, прочитал вслух:

Тот, кто сегодня пытается, подобно теософам, прикрыть собственную наготу роскошью восточных одежд, просто не верен своей истории. Сначала приложили все усилия, чтобы стать нищими изнутри, а потом позируют в виде театрального индийского царя. Лучше уж признаться в собственной духовной нищете и утрате символов, чем претендовать на владение богатствами, законными наследниками которых мы ни в коем случае не являемся. Нам по праву принадлежит наследство христианской символики, только мы его где-то растратили. Мы дали пасть построенному нашими отцами дому, а теперь пытаемся влезть в восточные дворцы...

- А я что – виноват насчет дома отцов? – сказал Груня. – И вообще, кому я мешаю?..

– Ты думаешь, из Индии эта твоя лабуда пришла? Из Америки она пришла! Гамбургер для тупых голов!..

– Ну уж.

– А ты что думал, Бхактиведанта в Калькутте жил? В Нью-Йорке он жил!

– С чего бы.

Беспятых подперся ладонью и мечтательным голосом доброй бабушки, начинающей сказку, стал рассказывать:

– Давным-давно, в далеких теплых морях Мэйна, жили-были умные и кроткие пираты. Сами себя они называли морской братвой. И был среди них авторитетный капитан, француз по имени Франсуа. Они называли его Олонезец, потому что он был родом из провинции Олоне. И вся команда очень любила Олонезца, потому что часто на песчаном пляже, под пальмами, в ласковом морском бризе, он вешал за яйца... мудаков! вроде! тебя! Понял????!!

– Так точно! В галюн разрешите выйти, товарищ лейтенант?

– Еще раз увижу – будешь петь мантры комендантскому патрулю. Иди! И промахнешься мимо унитаза – вылизывать заставлю! Сука красноглазая, я тебя еще увижу под дурью! Ауробиндо...

– А?

– Хрен на.

Оставшись один, он открыл иллюминатор, плюнул в него и с беспокойным неудовольствием попытался понять: Чего я, собственно, сорвался? Фиг ли мне этот пацан? Фиг ли мне этот корабль? Хороший вечер, через год на гражданку. Седуксену выпить... или водки?

6

Туманный Альбион. Подагра. На Лондон глубоко плевать. Такой моностих Ольховский приготовил к встрече.

Но Лондон оказался неожиданно хорош. Общее впечатление: коричневый полированный камень, ранняя зелень и живущее в пространстве отражение бывшего имперского величия. Многозначим – а не давит. Прочее – смотри телехроники, а дышится легко.

Вопрос о посещении музея-квартиры Карла Маркса встал и лег в порядке шутки, а в Гринвич на Катти Сарк теплоходиком скатались. И здоровы же были знаменитые чайные клипера. В отличие от игрушечной, как киносъёмочный макет, Золотой Лани сэра Френсиса Дрейка: с гордым удивлением думалось про ребят, которые на такой стотонной скорлупе годами жили и продирались сквозь океаны вокруг шарика.

А вот крейсер Белфаст привел Ольховского в мрачноватую задумчивость. Крейсер стоял на бочках прямо напротив Тауэра, разбитый в зигзаги нарядным серо-голубым камуфляжем, и ничем, кроме тента на юте, не напоминал музей – а выглядел тем, чем был задуман и создан: боевым кораблем. Тяжесть и мощь, стремительность и угроза! Шестидюймовки торчали осмысленно из трехорудийных башен по классической дредноутной схеме, а борта и надстройки топорщились спаренными бофорами.

И все это действовало!

Броневые люки в башни были отдраены для входа. Элеваторные шахты светились, и снаряженные заряды были выложены в лотки, готовые к досылу в казенники с откинутыми затворами. Креслица комендоров в меру вытерты и вращались без излишнего скольжения консервационной смазки. Так вдобавок еще трансляция гудела и грохотала непрерывно командами из артпоста и с мостика, докладами и залпами для пущей имитации обстановки боя.

Ольховский потащил всю экскурсию с невозмутимым дьяволом Уоллполом вниз, к погребам, – и убедился воочию, что носовой артиллерийский погреб можно пускать в ход хоть сейчас: кассеты и стеллажи набиты, электроприводы действуют... все вразумительно и соответствует!

В главных машинах все механизмы на месте, и даже коридоры гребных валов отдают маслянистое свечение обточенного вкруговую металла. Хрен ли ваш музей восковых чучел мадам Тюссо – тут в лазарете раненые, на камбузе готовка жратвы, в офицерском буфете поднос с виски, в кубрике дуются в карты (!!!) – двенадцать тысяч тонн водоизмещения, и каждая тонна при деле.

Посетители с зависимо-оживленным видом именно гостей стучали вилками и рюмками в кабаке с военно-морским уклоном, и открытые сверкающие галюны исправно действовали. И всюду торчали телемониторы, по которым гнали хроники морских боев, шум и выкрики битв не умолкали. А пацанва беспрепятственно лазала везде, куда могла достать, от гидроакустических постов до дальномеров, и крутила все, что крутится, так что зенитные установки вертелись ходуном, как при налете авиации со всех румбов сразу.

Как-то примирили Ольховского с действительностью только кают-компания и адмиральский салон. Все приличные кормовые помещения были заняты командой под офисы: там они работали на компьютерах, пили чай, разговаривали по телефонам и подшивали бумажки. Так что сдержанную роскошь командирской жизни посетители видеть не могли – ни тебе двухкомнатных кают, ни полированной деревянной мебели, ни покойных кожаных кресел. Это все музейщики отхватили в личное пользование – как везде и принято.

В заключение расселись в адмиральском салоне и, уже как старые друзья, вмазали без стеснения. Ольховский твердо принял литр – и ни в одном глазу. Он был уведен.

7

Вернулся Ольховский в смутном раздрызге. Принял доклад старпома (тоже идиотизм: сорок рыл всех – это команда?! и из шести офицеров – два каперанга, – канцелярия вшивая, а не крейсер...), заперся в каюте, хлебнул из заначки и лягнул ковер.

После Белфаста родной корабль поразил убожеством. Шесть тысяч тонн – а набит неизвестно чем. Музейная экспозиция ничтожна. Посетителей мало. И не прекращается вечная приборка, шкрябка, подкраска, подкрутка, какие-то муравьиные омерзительные хлопоты: краски, кисти, ремонт бытовой энергоустановки, замена телефонных аппаратов... мичмана ожиревшие, матросы недоноски... сменить белье – и открыть кингстоны, так дно слишком близко!

После приборки приперся кап-лей Мознаим. Как может служить на российском флоте офицер с фамилией Мознаим?! Не то узбекский диверсант, не то потомок крымского хана... добро бы немец или швед, тех давно следа на флотах не отыщешь, слизнул белую кость доисторический восемнадцатый год.

Каплей вкатился смуглым коlobком, вписался в угол дивана, как в лузу, и включил монолог в жанре плача. Ольховского передернуло:

– Возьмите себя в руки, капитан! Вы еще в жилетку мне посморкайтесь!

Мознаим посморкался в средней свежести носовой платок и взял себя в руки: доложил о готовности застрелиться.

– Рассчитываю на вашу порядочность, – подпустил изыска командир. – Надеюсь, что прежде чем стреляться, вы спешитесь с корабля. Дабы тень этого поступка не омрачила репутацию крейсера.

– Репутацию Авроры! – опереточно захохотал Мознаим. – Да здесь младенцы на палубу писают! (Верно, был случай, когда пятилетний паршивец под управлением суки-мамаши помочился под чехол третьего орудия. Разъяренный Ольховский влепил пять суток губы боцману, а что еще можно сделать? Оглушенный бедой боцман предложил суку-мамашу сдать в кубрик и отодрать экипажем, а заодно и младенца, чтоб неповадно было, но это, конечно, пустая бравада... к сожалению.)

– Хрен с тобой, – решил Ольховский. – Ты пришел стреляться или просить и плакать? Если стреляться – не забудь налить в ствол воды, по старому флотскому обычаю, а переборку позади себя завесь одеялом – чтоб, когда затылок вынесет, панель не портить, крась потом после тебя, а одеяло мы спишем. Если плакать – считай уже отплакал. Если просить – квартир у меня нет.

– У меня семья рушится, – скривил Мознаим гладкое смуглое личико.

– Жена блядует? – перевел на разговорный русский Ольховский.

– Сколько можно углы снимать!.. – возопил потомок хана. – На Севере снимал, на Тихоокеанском снимал, теперь опять у какой-то суки снимать, дома же своего нет!.. сил же нет!..

– Нету квартир у флота! – заорал Ольховский. – Нету! Нету! Денег нету! Нету!!! Сам знаешь, до чего! флот! довели! Телевизор есть? Телевизор смотришь? Чего кругом – знаешь?

– Бред, бред, бред!! На атомные бомбовозы деньги есть, а на квартиры для офицеров – так нету? Вы знаете, сколько стоит бомбовоз?!

– Знаю! Не купишь!

– Это все равно что построить город на пятьдесят тысяч человек! А еще на одну хрущобу – денег вдруг нету?!

– Ой, вот только не надо. Про то, что офицеры пьют, моральный дух подорван бытом, ослабла мотивация к службе, адмиралы воруют... не на собрании. Митингуй на Дворцовой. Дери жену лучше, и будет в доме мир и порядок.

– Так нет же дома! где быть порядку?! Она выходила за блестящего лейтенанта, – оплакал себя Мознаим... – А сейчас у нее нет целых сапог, зато есть бизнесмен с джипом, который возит ее по кабакам.

– Есть джип – на фига сапоги?

– Что я ей могу дать?..

– В глаз. Короче. Бомбовоз в Северодвинске я тебе могу устроить, – пообещал Ольховский. – Если вам обоим Петербург надоел.

– Не поедет она больше никуда! – уверил Мознаим. – Она молодая красивая женщина, она старости боится, а я что?..

– Мужа надо бояться, а не старости! Скажи спасибо, что здесь вообще зарплату дают. Господи, – обратился Ольховский, – зачем ты отменил замполитов? Плакал бы этот козел ему. Вызвали бы жену в женкомитет базы, заправили фитиля по гланды. Да что я, исповедник?.. Священника хочу, батюшку, служителя культа, попа мне!.. Встать!!!

– Вам хорошо, – сказал Мознаим. – У вас сын уже взрослый, и квартира есть.

– А ты на чужой каравай слюной не капай, – печально посоветовал Ольховский.

Сын его дважды лечился от наркомании, и каперанг с огромным трудом отговорил его от вербовки в Сербию – воевать за свободу братьев славян против исламских экстремистов: за это обещали приличные деньги, которыми оболтус рассчитывал рассчитываться с долгами, а на это время смыться от кредиторов.

– погоди, – посулил он хмуро, – пусть твои дочки подрастут, тогда узнаешь, почем фунт лиха. А пока это все цветочки.

Лицо Мознаима живо отразило весь комплекс чувств по поводу взросления двух его дочерей в свете всех изложенных обстоятельств.

– Я раньше застрелюсь, – успокоил он себя.

8

И сели вдвоем со старпомом, разломил плитку дешевого шоколада и свинтили пробку с литровой бутылки Капитанского джина – не тормозной жидкости гнусного польского производства, а благородной сорокавосемиградусной слезы, разлитой в морском сердце Уэльса славном городе Ньюпорте; бутылка была подарена Ольховскому на прощание офицерами Белфаста.

– Ну – чтоб мы еще пили за счастливое плавание!

Колючая можжевельная свежесть продрапа гортань. Неразбавленный джин пьют варвары и моряки.

– Мазут закачать – и на нем в море выходить можно, – даже без зависти рассказывал Ольховский. – Машина в сохранности, электрооборудование в сохранности... экскурсантов толпы шлеплются – и ничего, все цело. А ведь у него, если подумать, водоизмещение вдвое больше нашего, а вооружение то же: двенадцать стволов главного калибра шесть дюймов, а у нас четырнадцать.

– Он воевал?

– Еще как. Всю мировую. В конвоях ходил, в Средиземку ходил, в высадке в Нормандии участвовал.

– В том и вся разница.

– В чем разница, черт бы их драл, Николай Палыч?

Опрокинули по третьей, откинулись в креслах и закурили:

– А в том, что Англия пятьсот лет воевала на всех морях. А Россия сто лет подражала голландцам, а потом еще сто – англичанам. Форма, обычаи, жаргон – все английское было. Ты слышал – когда англичане ходили на покупных кораблях? А мы? Да все крейсера не свои: Варяг – США, Аскольд, Новик, Богатырь – Германия, Боярин – Дания, Светлана и Баян – Франция. А потом сдирали: Очаков и Олега с Богатыря, Жемчуг и Изумруд – с Новика. Что за национальное ремесло – перековка чужих блох! Да разве что Громобой и серия Авроры были собственные.

Ты подумай: с чего начался век? Американцы построили Варяга, немец написал песню, японцы его подняли, назвали Сойя и поставили в строй – а мы сумели его только утопить и тем прославили! Поистине особенности национального русского флотовождения!..

– Но вышли, вышли подводными крейсерами в Мировой океан!

– Вышли. В одной руке дубина, а другая протянута за милостыней. Вроде знаменитого одесского босняка с его ультиматумом: Рупь или в морду. Победы мы одерживали исключительно в екатерининские времена, и то без толку: как сидели за запертыми проливами, так всю музыку и просидели в своих внутренних лужах. За весь двадцатый век славный русский флот дал одно крупное сражение!

– Цусима.

– Так точно. А теперь скажи, Петр Ильич: так не прав ли был Жуков? Стоит флот дорого, жрет всего невероятно, а толку?.. И с какого хрена на него тратиться, когда бабок ни на что нет?..

– Это ты так решил, когда Москву Украине отдали?

– Наливай, – сумрачно сказал старпом, показывая, что ниже его достоинства реагировать на эту чудовищную и неспровоцированную бестактность.

– Прости.

Капитан первого ранга Николай Павлович Колчин был последним командиром авианосца Москва (именовавшегося в ханжеской терминологии советского миролюбия большим противолодочным кораблем). Москва базировалась на Севастополь, и в Средиземку изредка про-

биралась через Босфор под зорким турецким присмотром. К концу восьмидесятых топлива стало совсем в обрез, походы вовсе сделались редки, полеты палубной авиации и того реже... а когда дело дошло до развода братских славянских народов и дележки совместно нажитого имущества, ее отдали самостийной.

Дать новую присягу жовто-блакитному прапору капитан первого ранга Колчин не считал возможным даже на уровне обсуждения с самим собой. Места же ему на российских кораблях не нашлось – и своих девать было некуда: с удивительной быстротой развалилось все, и флоты встали на прикол. Блестящая карьера засеклась на взлете, и близкие уже адмиральские погоны резко исчезли из зоны досягаемости.

И вот теперь семья его жила в севастопольской квартире, которую удалось приватизировать, но невозможно было продать за ощутимые деньги, – и находилась, стало быть, за границей. А он, с помощью старых друзей из Управления кадров, получил тихое и бессмысленное место старшего помощника на Авроре, где дожидался теперь увольнения в запас, раньше или позже неизбежного, как встреча летящего кровельщика с гостеприимным тротуаром. Переквалифицироваться в начальники охраны фирм он не умел, а сухопутной профессии взяться было неоткуда.

Когда-то в закрытом советском прокате ленд-лизингская лента Ревущие двадцатые крутилась под названием Судьба солдата в Америке. Когда Воробьевы горы станут Беверли Хиллз, мы увидим фильм Рыдающие девяностые, которые коммерсант-прокатчик назовет Судьба офицера в России. Следите за рекламой.

Пока же фильм не вышел, отметим для наглядности, что если Ольховский был высок и даже изящен, то Колчин – мал, сух, жилист, зол и носат. Кличка у него была с курсантских лет Колчак.

В описываемый момент они действовали сообразно с характерами. Колчин посмотрел наверх и спросил, непримиримо брызгая слюной, не то у Ольховского, не то у того, кто находился выше палубы, мостика, клотика и даже облаков:

– Поч-чему они там все такие с-суки, а?

Ольховский же, покачнувшись, пересел к фортепиано и заиграл Революционный этюд Шопена. Иногда он неверно прицеливался пальцами в клавиши и сбивался.

Фортепиано на Авроре было роскошное, старинное, коллекционное, палисандрового дерева, хотя и слегка расстроенное. Первоначально оно принадлежало царской яхте Ливадия.

9

По малочисленности команды ни офицерского буфета, ни отдельного офицерского камбуза на Авроре не водилось с доисторических времен. И когда вестовой сунулся насчет типа закуски для командира и старпома, Макс озверел. Готовить он любил, но ведь не из чего! Даже спец-доп для высоких делегаций, если программа предусматривала обед в командирском салоне, капал через раз, и коку приходилось изворачиваться фокусником.

– Бухают, что ли? – скривился он.

Вестовой свистнул носом.

– Ананас и филе из рябчиков сойдут?

– Сойдут...

Макс открыл банку консервированного рассольника, вывалил в миску и наковырял оттуда в блюдце обрезочков соленых огурцов. Нашинковал луковицу, перемешал и полил образовавшийся салат уксусом. Вытащил из той же миски кусочек желеобразной тушенки, размазал по четырем тонким полуломтикам черняшки и кинул в духовку, врубив на полную.

Вестовой удержал вздох: он был из молодых, а молодые постоянно хотят жрать; на третьем году это проходит, старики равнодушно не доедают положенное. Подольстился к подателю пищи:

– Что, в училище не такие блюда учили готовить?

– Техникум – не училище, – пресек попытку панибратства старший матрос Лаврентьев, корабельный кок и персона привилегированная. – Слюну втяни.

Обслужив заказ, он уселся и раскрыл на заложенном месте справочник Рестораны города Москвы. Прочитал пять строк и вернулся в мечты. Через год дембель – и двигаем. Главное – найти корефанов среди деловых, это образуется автоматически, если работаешь в приличном кафе или тем более ресторане. А если кабак при отеле или, еще лучше, казино, – вообще нет проблем. Никакой банк, конечно, никакую ссуду ему не даст – не под что, и сам никто, – а братки могут. Крыша все равно нужна. Главное – раскрутиться, а там бабки пойдут... кабак – это и связи, и телки, и возможности.

Он осмотрел в зеркало широкое доброе лицо с ласковыми, как у теленка, карими глазами, приладил волоски на ранней залысинке и представил себя в пятисотдолларовом двубортном костюме, синем в редкую серую полоску. О'кей.

Снял с верхней полки амбарную книгу, где вел учет продуктов, и стал писать однокашнику по техникуму. Кореш дослуживал на погранзаставе в Узбекистане: служба – дерьмо, чурки палят друг в друга, голодно, но намекал (как бы опасаясь загадочной, но якобы существующей военной цензуры) на доходную работу с южными продуктами – наркотой, стало быть. Он тоже хотел в Москву, а под приказ ему, сапогу сухопутному, выходило уже через месяц.

С-сука, – мысленно обратился Макс к военному, которого развеселила строчка выпускник кулинарного техникума. Развеселившийся идиот военком назвал его Хазановым и запатентовал на три года флота вместо двух армии. Макс пытался намекнуть, что за хорошее место в долгу не останется, но что взять с идиота. Вот уж что называется ни дать ни взять. – Я еще к тебе приеду в гости на хаммере с парой пацанов. Побеседую, чтоб прокакался, а потом скажу: что вы, товарищ подполковник, я же только поблагодарить. И поставлю флакон мартеля баксов за двести. Для наглядности. Чтоб знал, кого профукал и сколько мог поиметь... пудель африканский!.. А теперь как борщ – так эти в столовой педерастическими голосами: чего не хватает? хле-еба. Хазанов я им!

Флотский ужин является разогретым дублем обеда, так что было время помечтать спокойно, хлопот мало. Но вот начнешь мечтать – и раздражаешься.

10

В то время, как доктор заваривал в автоклаве китайский чай для похудания Канкура, с неудовольствием ощупывая молодой животик и размышляя о влиянии на обмен веществ нетрадиционной медицины и парапсихологии, причем парапсихология персонифицировалась в образе Джуны, и воображалась Джуна не абстрактной научной фигурой, но напротив – поджарой брюнеткой, жгучей и зрелой, что являлось для доктора идеалом женской красоты, и грезился этот идеал ему в роскошных альковных интерьерах ее московского особняка, так что, размышляя о путях и судьбах современной медицины, он возбуждался;

в то время, как в исторической радиорубке боцман Кондратьев – Кондрат – переписывал с радистом на кассету с заезженными Пионерскими блатными песнями в исполнении Козлова и Макаревича саунд-трек Титаника и рассказывал флотский анекдот: Герасим с лодки – семафор Титанику: Собачку на борт не возьмете?;

в то время, как старшина второй статьи Шурка Бубнов и матрос одного с ним призыва Саша Габисония, завершив протирку-смазку бакового орудия и надрав мемориальную табличку на щите, оглядевшись, курили сигарету на двоих и вспоминали вычитанный в забытом кем-то старом Крокодиле другой анекдот: Вы не скажете, как попасть в Кремль? – Очень просто: наводи и стреляй!; —

Иванов-Седьмой уронил себе на левую ногу экспонат. В музее раздался стук и взыв, которых никто не услышал. Это был тяжеленный кусок броневой плиты, потенциальная энергия которой перешла, в согласии с законом классической механики, в равную ей кинетическую энергию вылетевших из Иванова-Седьмого ругательств. Все главное в музеях остается скрытым от посетителей.

Вырезанный автогенном квадрат брони с рваной пробоиной от японского снаряда в центре служил обрамлением фотографии командира Авроры каперанга Егорьева, погибшего в цусимском сражении. Когда-то офицеры Авроры преподнесли реликвию его семье. Семьдесят лет спустя его сын, контр-адмирал в отставке, вернул ее на крейсер для музея. И вот еще четверть века спустя она свалилась со своей подставки на директора того же музея.

Ранение было не смертельное, но болезненное, и просматривалась в нем определенная историческая преемственность.

Свалилась она на голову, фотомонтаж в пробоине можно было бы составлять из двух портретов. Но она ограничилась левой ногой, когда Иванов Седьмой неизвестно зачем решил ее поправить. Многие считали, что на голову ему аналогичный предмет упал много раньше.

Иванов-Седьмой дохромал до доктора, который угостил его своим китайским чаем для похудания. Поскольку ушибленный мог соперничать худобой со шваброй, он компенсировал действие чая тремя ложками сахара.

Большой палец был залит йодом и забинтован. Желая увеличить объем лечения, доктор даже постриг ему ноготь. И с бездумным сочувствием сострил, что если бы Иванов-Седьмой носил перстень не на руке, а на ноге, то травмы удалось бы избежать.

Больные неблагодарны. Иванов-Седьмой назвал доктора жлобом и посоветовал, куда надеть кольцо, чтобы избежать травм в личной жизни. С чем похромал к себе.

Перстень был массивный, старого светлого золота, со славянской вязью Громобой. Его носил еще командир кормового плутонга Громобоя лейтенант Иванов-Седьмой, дед нынешнего каперанга в отставке и директора музея. По старинной флотской традиции офицеры-однотайцы оснащались числительными в порядке зачисления в службу. Если такие перстни носили до революции все офицеры крейсеров, то в сочетании с фамилией это был знак причастности к касте.

В своей каюте при музее Иванов-Седьмой сел за стол, включил настольную лампу, надел очки и достал толстенную папку, на которой цветными фломастерами было художественно выведено: Сквозь XX век. Мемуары офицера Авроры.

Взял чистый лист, раскрыл старую союзовскую ручку с золотым пером, подаренную когда-то сослуживцами на день рождения, и стал писать свою ежедневную норму. Норма была одна страница. Страниц таких лежало уже полтора ящика, а масса случаев, историй и, главное, мыслей оставались еще незаписанными.

Палец болел, и мысли были соответствующие.

В любой момент морского офицера подстерегает смертельная опасность, – четкими черными чернилами чертил Иванов-Седьмой. – И к этой опасности он готов с того момента, как приносит присягу на верность Родине. Но ничто не может сбить его с намеченного курса жизни и службы. Рифы и мели...

Куда присобачить рифы и мели, так сразу в голову не приходило, он их зачеркнул и начал новый абзац:

Однажды на Авроре я был во время плановых работ травмирован тяжестью, незакрепленной по вине ответственного лица. Пришлось обратиться к врачу. Врач был молодой, не очень квалифицированный и не пользующийся уважением команды. Помощь была оказана без наркоза. Превозмогая боль, я вернулся к исполнению своих служебных обязанностей.

Настроение улучшилось. Мемуарист мстительно улыбнулся. Но поскольку про обязанности неоднократно излагалось раньше, в поисках нужных слов он посмотрел в иллюминатор. В иллюминаторе пьяные финны на набережной фотографировались на фоне Авроры. Вечер сгустился, и пейзажу за пределами вспышки запечатлеться не светило. Но это было не принципиально.

Отрадно знать, стоя на палубе революционного крейсера, что славные традиции не утрачены, и частица твоего мирного ратного труда еще послужит делу мира и прогресса... Далее следовали варианты окончания фразы:

- а) во всем мире;
- б) родной страны;
- в) моей истерзанной державы.

Отделил следующий кусок тремя пятиконечными звездочками, и сделал лирическое отступление:

«Прекрасна и грозна Аврора в закатный час, когда меркнувшее солнце золотит последним лучом гордо реющий андреевский флаг. И как бы трудно ни было кругом, невольно вспоминаются слова песни: „С нами Бог и Андреевский флаг!“

И гордостью греет знание, что что бы ни предстояло, ни один моряк Авроры не посрамит чести корабля, на котором посчастливилось ему служить, и преодолет любые трудности, проявив мужество и смекалку. Авроровцам не привыкать! Как всегда – перед нами великие задачи!»

11

.....

.....

- Ты с ума сошел! – сказал Колчак. – Выпил и охренел. А шутка была бы ничего. В стиле.
- А если не шутка? – сказал Ольховский.

12

Крейсер I ранга Аврора

Спуск на воду – 11 мая 1900 г.

Вступление в строй – 18 сентября 1903 г.

Водоизмещение – 6130 т.

Длина по ватерлинии – 116,8 м.

Ширина – 15,8 м.

Осадка – 5,6 м.

Максимальная скорость, первоначально – 19,0 уз.

Дальность плавания экономическим ходом —
4000 миль.

Бронирование: броневая палуба – 38 мм;

Бронирование: боевая рубка – 152 мм.

Вооружение: 6-дюймовых (152 мм) орудий главного
калибра – 14;

Вооружение: 3-дюймовых (76,2 мм) зенитных
орудий – 6;

Вооружение: торпедные аппараты 381 мм – 3.

Штатный экипаж – 637 (23 офицера, 614 нижних чинов).

Часть вторая

Р.В.С

1

Началось все не с того, чего началось, а с любви, и даже не с любви, в которой Шура был не уверен, хотя Майя доказывала это ему предлагаемыми ей способами, а с танцев, когда Шура в увольнении пошел на дискотеку в бывший клуб Первой пятилетки, куда по незапамятной традиции ходят в увольнении военнослужащие срочной службы с целью знакомства с девушками и завязывания с ними дальнейших отношений, вероятность чего очень велика, потому что девушки посещают упомянутый клуб, подразумевая возможность тех самых дальнейших отношений с военнослужащими, среди которых отлавливаются очень даже ничего мальчишки, в том числе порядочные и поддающиеся на превращение завязавшихся отношений в серьезные, а если и нет, то и несерьезные отношения бывают очень хорошими и глубоко желанными, способными одарить обоюдным счастьем, которым и наслаждались Шура с Майей по тем воскресеньям, когда его отпускали в увольнение, и Майя делала все от нее зависящее, чтобы их отношения стали как можно серьезнее, Шура же в свою очередь прилагал все усилия, чтобы их счастье было как можно полнее. Выражаясь кратким языком кубрика, Шурка завел бабу в городе.

Но неудобство состояло в том, что не совсем в городе. Майя жила в Каменке, а это поселок городского типа за полпути к Выборгу, час с гаком электричкой с Финляндского вокзала. И когда дискотека из главного пункта программы превратилась в предлог, а предлог был отброшен наряду с прочими деталями и условностями, что произошло естественно и быстро, то встречаться приходилось там. Кругом было полно летней природы и сплошной зелени, а в плохую погоду Майина подруга, родители которой по выходным пропадали на дачном участке, давала ей ключ от квартиры и на полдня куда-нибудь линяла.

Когда у них все только начиналось, Шура позвонил родителям в Брянскую область с просьбой прислать немного денег телеграфным переводом, и на дешевом рынке в Апраксином дворе купил гонконгские джинсы, китайские кроссовки и индийскую рубашку. Теперь он не зависел от плана задержаний, который комендантские патрули выполняют на вокзалах с мрачным азартом звероловов. Гражданку он держал у дворничихи с набережной, которая оказывала разнообразные услуги матросикам, ответно помогавшим ей скромными подношениями со своего стола и вообще по мелочи типа починки дворницкого инвентаря или вразумления назойливых бомжей. В дворницкой всегда и выпить можно было, налив и хозяйке.

Командированный с утра в портовые склады за канистрой олифы, Шура прикинул время, сунул к дворничихе пустую канистру и в штатском махнул в Каменку – благо Финляндский под боком. С вокзала еще звякнул Майе на работу – в преддверии лучшей жизни она торчала в мастерской по ремонту обуви приемщицей, и договориться на пару часов уйти ничего не стоило.

Но пока он добрался, оказалось, что один мастер сегодня заболел, напарница в отпуске, Майя поцапалась по этому поводу с начальником, и отлучка накрылась. Час Шура просидел на табуреточке, разговаривая с Майей через жестяной прилавок и дыша обувным клеем. А потом она попросила, чтобы он шел, чего так-то, и настроение испорчено, и ему нагореть может за самоход.

Вот это, стало быть, предыстория, а историю можно считать начавшейся с того момента, когда Шура, злой и огорченный настолько, насколько может быть огорчен и зол матрос, у кото-

рого, можно сказать, с живого места сняли уже готовую собственную и любимую девушку (в этот момент Майя была безусловно любима им страстно), решил попить пива. Денег оставалось, по ценникам ларька на станции, ровно на бутылку Балтики № 3. Имея полчаса до электрички, он растянулся на теплой травке за кустом, закурил и сделал первый глоток. Жить стало лучше, жить стало веселей: товарищ Сталин понимал в психологии матроса.

И тут подошел какой-то солдатик, сапог, и как бы между прочим посмотрел на него так, как именно и только может смотреть не пьющий пиво солдат на человека, который его пьет. Внутренне заслоняясь от контакта первой попавшейся мыслью, Шурка подумал о школьном учителе литературы Матвее Марковиче: его съезд в Израиль провожали насмешливой цитатой: И помчался в Палестину – крест на раменах. Поверху солдат был перекрещен пушечками на мятых погонах.

Перешагнув черту нейтрального расстояния, он всей возможной вежливостью смягчил просьбу:

– Простите, пожалуйста, вы на пиво не могли бы добавить?

– Ты что, браток, – усмехнулся Шурка, – я сам в самоходе.

Солдат вздохнул безнадежно и по-родственному:

– А... Ты откуда?

– С Авроры, – небрежно бросил Шурка и, обозначив уже одним этим ответом неизмеримое превосходство флота над армией, почувствовал себя вынужденным идти дальше по пути демонстрации и утверждения этого превосходства. С краткой досадой он дал солдату глотнуть и закурить.

Наладился ленивый необязательный разговор: каждому были интересны незнакомые особенности службы другого. Своя-то жизнь быстро осточертевает в замкнутом однообразии.

Иван (звали солдатика) возвращался в часть из артмастерских, и выкроил полчаса поваляться на солнышке, пострелять на пиво у станции.

– Чего там делал-то?..

– Ударный механизм брал из ремонта. – Он вытащил из отвислого набедренного кармана шлифованный стальной цилиндр размером с эскимо, с силой оттянул поперечный рычажок и шелкнул тугой пружиной.

– Дай поглядеть. Это от чего?

– От ЗИС-3. Старые семидесятишестимиллиметровки, учебные.

Дальнейший разговор мог бы явиться находкой для шпиона, если бы содержал хоть что-нибудь неизвестное еще шпионам.

Иван служил в отдельном арtpолку, который обслуживал стрельбы на полигоне здесь рядом.

– Бобочинский полигон, не слышал? Центральный на весь округ, к нам все приезжают задачи по боевым стрельбам сдавать.

Через десять минут Шура знал размеры полигона, расположение артскладов и фамилию командира полка. Он с веселым сожалением попытался определить стоимость информации, но всучить ее кому бы то ни было на информационном рынке явно не представлялось возможным.

– Слушай, – спросил он, – если ты выдаешь столько секретов за глоток пива, то что ж ты сделаешь за бутылку водки?

– За две с закуской – все! – убежденно сказал солдат.

– Например?

– Например? За полбанки я тебе этот ударник отдам! – засмеялся Иван, и в голосе его Шурка понял закамуфлированную игрой готовность действительно отдать – вроде надежды рыбака на поклевку в пустом водоеме: а вдруг пошлет бог полбанки через дурака-матроса.

– Ты ж потом под суд пойдешь.

– О! Да! С разгону.

– А как?..

– А так. Стакан налью сержанту в мастерских, он мне другой в загошниках найдет. Там этого списанного барахла – немерено, а отремонтировать всегда можно. А триста грамм мне останется. Ну – не интересуешься?

– Да на что мне? – развеселился Шурка.

– Ну, мало ли. Грохнешь куда. Или братве сдашь. Это ведь, кому надо, хрен найдешь.

– А им зачем?

– Ну, откуда я знаю. Может, им пушку починить надо.

– На что им пушка?

– Ну, ты даешь. Мало ли. По ментам стрелять. Или по Смольному грохнуть.

– На что им Смольный? Они и так там сидят.

– Зануда ты! – рассердился солдат. – Зачем да зачем! Это ведь ударный механизм: главная вещь в орудии, без него – мертвое железо. Ну возьми, что ты! Слабо?

Они посмотрели друг на друга и загоготали. Ведь точно за полбанки пойдет ударник, было б кому сдать!.. Ну нормально.

Сознание даже ненужных возможностей способствует хорошему настроению. А хорошее настроение, в свою очередь, подвигает к реализации возможностей. Возникает прилив энергии в разных местах.

– Слушай, – сказал Шурка. – А как у вас насчет других калибров?

– У нас хорошо насчет других калибров. А ты почему спрашиваешь?

– К ста пятидесяти двум миллиметрам я бы поговорил, – продолжил Шурка игру, и в шутке явил себя не смысл даже, а чисто теоретический допуск связи со смыслом. Случайные связи опасны, но развлекают своей осуществимостью.

– Элементарно, Ватсон, – важно кивнул солдат.

– Ну уж?

– У нас отдельный взвод старых стапятидесятидвухмиллиметровых гаубиц есть. Не угодно?

До электрички оставалось девять минут. Шурка потащил артиллериста в кассы. Продал в очереди билет (зайцем доберется) и взял еще пива.

Снял пару глотков и щедро протянул Ивану:

– Слушай, земля. Записать есть чем? – И продиктовал телефон Майи. – Позвони через пару дней – она тебе скажет, если надумаю. Но смотри: будешь подкатываться – убью!

Случайный треп как бы приобретал приятную значительность бизнеса.

– Не топи Муму, – покровительственно успокоил солдат. – Ну что – проникся?

– Прикинуть надо.

– Чего прикидывать?

– Того. Калибр – это одно, а система – другое, сам понимаешь: посмотреть, размеры уточнить.

Иван поднял пегие бровки:

– Нестандартная работа дороже стоит! – скардным купеческим тоном предупредил он.

– Не бздим-бом-бом. Матрос дитя не обидит.

– Дай-ка еще закурить... Ты что хочешь – по Зимнему второй раз грохнуть? Самое время.

– Учти: растреплешься – в дисбат пойдешь, помогу, – глупо пригрозил Шурка.

– Не смейся, моя черешня! Ты где живешь?..

– Если насчет встречи – ты в воскресенье из части сумеешь вылезти?

– Аск. Я уже старик, братишка, – обижаешь.

2

Если бы на кораблях Российского Военно-Морского Флота были штатные психологи, исповедующие архаичный фрейдизм, то необъяснимая и внешне немотивированная тяга двадцатилетнего матроса к стальному цилиндру размером с, как мы сравнили, эскимо подверглась бы однозначному фаллическому истолкованию; роль отца в проявившемся эдиповом комплексе замещал бы непосредственный отец-командир, а стремление ввести этот цилиндр в предназначенное для того отверстие орудийного затвора означало бы стремление обладать кораблем, в более широком смысле символизирующим матросу мать, которая его кормит, укрывает от опасностей внешнего мира, и только в утробе которой он находится в полной безопасности и свободе от любых забот, почему подсознательно туда и стремится. Не случайно на языке народа, понимающего вкус мореплавания больше прочих – у англичан, – корабль женского рода. Но на кораблях мужского рода (NB!) ВМФ подобных психологов, к великому счастью командования, нет, – а то практические следствия их работы могли бы быть неисчислимы и служить к непоправимому подрыву боеспособности экипажей, которые, по русской лингвистической традиции, и так готовы совершить акт с кем и чем угодно во вверенном заведовании. Самому же Шурке такая точка зрения в голову прийти не могла. Если бы его спросили: На хрена тебе ударник? он бы ответил соответствующе: А хрен его знает. Так. Пусть будет... интересно.

Мотивация к военной службе в мирное время проста: отрицательная мотивация. Военкомат и милиция, как добрый и злой следователи, припирают юнца дилеммой: или армия – или тюрьма и зона. Не каждый военный мыслитель может искренне ожидать подвигов патриотизма от тех, кто служит в армии под страхом тюрьмы, выбрав меньшее из двух зол. Заградотряды никто не отменял – они просто видоизменены.

И наилучшим средством выбить штатскую дурь выступает бессмысленность службы. Задалбывание боевой подготовкой может утомить тело, но не душу: здесь явна целесообразность. Нет: многократные приборки до стерильной чистоты, тут же уничтожаемой ходом дел, содержание в идеальном и раз навсегда установленном порядке своего ничтожного хозяйства (Зубная щетка слева от мыльницы!), бесконечные стирки робы, дословная зубрежка уставов, отбой и подъем за секунды; образцовый экипаж есть самозатратный механизм, все силы которого уходят на содержание себя в некоем вымышленном и неестественном состоянии, не имеющем ничего общего с боеспособностью. Артиллерист может ни разу не стрелять из орудия, зато уметь виртуозно отбивать строевой шаг и чистить картошку.

Однако часто забываемая мудрость этого подхода – в том, чтобы война грезилась солдату отдыхом и развлечением, каким ее считали еще ветераны Мария. А также в накоплении немотивированной агрессии: цепного пса надо бить, дразнить и не докармливать, злее будет. Совершенно разумно оружие российского солдата хранится отдельно от него, под замком и без патронов: дорвавшись в карауле до заряженного автомата, он способен за неимением лучшего перестрелять сослуживцев, что регулярно и происходит. Это не означает изъядов в подготовке, но лишь переизбыток бойцового духа. Озлобленный джинн, не дождавшись вызова из бутылки, не выдерживает бездействия и самостоятельно вышибает пробку.

Настоящий солдат рассматривает окружающее через прорезь прицела, пусть даже мысленного. Оружие ласкает руку и глаз и провоцирует к применению – для того и создано. Задолбан ты, пес бесправный, но при стволе – ты главный в радиусе прицельной стрельбы. И посадить пулю в центр контура – никакое не убийство, а самооправдание жизни твоей позорной, единственное осмысленное действие, которому ты обучен и призван.

Но есть и побочное следствие гарнизонной рекламы Живи по уставу – завоеешь честь и славу!. Тому, кто полной мерой хлебнул нектара с амброзией, которыми хлебосольное Мини-

стерство обороны потчует своих подопечных, понятна страсть, с которой уходит душа воина в разные неуставные, неприказные мелочи. Таковы дембельская парадка и дембельский альбом, подрезанный до ключиц тельник и красные пластмассовые подкладки под значки; и много еще чего. Стиснутая со всех шести сторон прессом службы, регламентируемая в мельчайших движениях все двадцать четыре часа в сутки, душа ищет малейшую щель и, найдя, перемещается туда целиком, создавая в этой крошечной щели свой огромный внутренний мир, где обретает счастье свободы и собственной воли. Мал золотник, зато мой собственный.

Столь длинное предисловие к одному маленькому конкретному вопросу понадобилось нам лишь для того, чтобы штатский читатель мог лучше представить себе чувства матроса, драящего шестидюймовку посреди большого города. Он совершенно не собирается из нее стрелять, тем более что это технически невозможно. Но молотовский коктейль, сбитый шейкером подсознания из манипуляций в учебке, эйзенштейновского Октября, детских игр, унижений службы и генетической памяти охотников на мамонта, легко и ласково льется в форму: вот досылается в казенник снаряд и гильза с зарядом, затвор закрыть, наводка в историческом направлении на центр зеленого трехэтажного фасада Зимнего дворца – и рывок рукояти спуска. Грохот, фонтан кирпичной крошки и праха, дыра, ура! вот т-так-то, суки!

Приказ для настоящего бойца – это не подгоняющая палка, а снятие внутреннего стопора к действию. А иначе это не боец, а малопотентный пацифист, на горе и возможные неприятности непосредственного начальства. Из кого ж будем комплектовать танковые экипажи, чтоб засадить полбоеукладки в собственный парламент. И чтоб толпы народа вокруг – не с транспарантами в поддержку ценностей гуманизма, а с горящими от захватывающего зрелища глазами.

Стрелять, повторяем, Шурка не собирался. Поведение его можно было уподобить посетителю казино, мысленно играющему в рулетку: задуманные и выпадающие номера щекочут возможностью выигрыша и проигрыша, но деньги остаются в кармане, да и нет их, этих денег. Вариант безопасного секса – ходить близ искушения и поддразнивать.

Во время большой приборки он выбил ломиком прихваченную сваркой заглушку из затвора. Деловито подчистил заусеницы кругового шва напильником. И снял внутренние размеры штангенциркулем, одолженным в слесарке. Вставил заглушку на место и прихватил краской.

А после ужина упросил вахтенного за стакан завтрашнего компота дать позвонить на минуту любимой девушке. Майя обрадовалась. После слов с понятным двоим смыслом он продиктовал ей для Ивана размеры и назначил встречу.

– А это что?.. Зачем?.. – насторожилась Майя.

– Да заодно тут по делу надо, я в мастерской одну штуку запарол. Все расскажу. Извини, больше не могу говорить, я с вахты звоню. В воскресенье приеду. Я тоже!.. Пока!

Вахтенный лениво вслушивался, ковыряя ногтем переборку.

– А говорил – одна минута, – заканючил он. – Масло бы с тебя взять надо.

– Дупа слипнется, – ответил Шурка. – Суши весла.

3

Жить вообще трудно, а в армии просто невозможно. О флоте уже и говорить не приходится.

Где взять матросу деньги на литр водки да плюс закуска? Не вовсе ж гражданская война на улицах, когда показал ствол первому прилично одетому господину – и на кабаке заработал. Господа-то и при стволах, мироеды. Пей, матросик, все, что горит. Нет для тебя денег на корабле. Их на корабле вообще нет.

И назвать матроса нищим – означает кровно обидеть нищего, или развеселить его, если нищий попался необидчивый. У любого порядочного нищего – свой участок, охотничье уголье, так сказать, с мусорными баками, пустыми бутылками, подземными переходами для сбора милостыни, не говоря об олигархах метро и вокзалов, и все это узаконено межнищенскими конвенциональными отношениями. Нищий – лицо экономически самостоятельное, freelancer на современном рыночном языке. Матрос же клюет нервно из мозолистой казенной руки, а казенная – она из щедрой горсти складывается в начальственный кукиш. Денежное довольствие без пинцета не удержишь: в математике такая величина называется мнимой.

Все Шуркины попытки одолжить денег успехом не увенчались, Украсть для продажи на корабле тоже нечего. Комсостав улучшает возможность толкнуть ящик масла или бочку солярки, а матрос кругом бесправен. Даже новый гюйс, купленный на свои, продать невозможно.

После отбоя он лежал в койке и был терзаем демоном безденежья, порождающим при сне разума двух родственных чудовищ: сочинителей детективов и бандитов. Если первые, в грезе о миллионе, зарабатывают на жизнь описанием измышленного преступления, то вторые, за недостатком литературных способностей, этим преступлением зарабатывают в натуре.

Решения приходят во сне не только великим ученым.

В воскресенье припараженный Шурка зашел к родимой дворничихе, и через час все было готово.

У входа в метро Горьковская стоял отутюженный матрос, а рядом на цоколе у ступеней стоял небольшой фанерный ящик. Сверху у ящика была щель, а спереди поясняющая надпись: На реставрацию музея крейсера Аврора. Щель была широкая, а вид у матроса деловой. Тисненые золотом буквы на ленте бескозырки снимали любые возможные сомнения. Шурка не понимал, как простейший и беспроектный вариант не пришел никому в голову раньше.

В конце XX века попрошайничество стало основой российской национальной экономики. Грань между понятиями заработать, наспекулировать, смошенничать, украсть и выпросить исчезла на уровне слова и дела. Просят все и у всех, от упомянутых нищих до неупомянутых премьеров. Просят крестьяне, рабочие, больные и спортсмены, чиновники и предприниматели, деятели умственного труда и умственно неполноценные, каковыми представляются все; просят милитаристы и пацифисты, преступники и милиционеры, обокраденные и казнокрады. Дружной очередью, с протянутой рукой, как на египетских фресках к фараону, стоят представители творческой интеллигенции к мэрам, магнатам и ворам, тактично перестав различать их. Как о победе народного хозяйства торжественно сообщает телевизор, что государство опять сумело выпросить у кого-то в долг. Иллюстрируя своими успехами русскую народную поговорку семеро с сошкой, один с ложкой, президент поздравляет сограждан с присоединением страны к большой семерке, ставшей таким образом восьмеркой: ложка оказалась велика, и великолепная семерка отбрыкалась от умного ложечника.

Кого ж тут может удивить матрос с ящиком? Недалече разинулись ящики На восстановление храма, На помощь беженцам и На приют для бездомных животных – но наш ящик был повеселее, посимпатичнее, и матрос при нем исправный.

Дул ветерок, шелестела листва, толпа валила вдоль пестрых лотков с мороженым и гамбургерами, и сбор пожертвований вписывался в пейзаж как нельзя естественнее. Оставалось только следить, чтоб не показался патруль – тогда совать ящик в пакет и нырять в метро.

Романтика революционного крейсера обнаружила свой денежный эквивалент, как имеет его и все на свете. Надпись взывала к чувствам разных категорий прохожих: к ущемленной гордости петербуржцев, к стремлению провинциальных туристов приобщиться малой лептой к славе Петербурга, к жалости иностранцев и достоинству подростков, желающих быть состоятельными хотя бы в глазах подруг. Золотые дожди в нашем климате не идут, но что-то закапало.

Выражение лица матроса дарило меценатов желанным и главным убеждением: что человек звучит гордо, а жизнь иногда бывает прекрасна. Да здесь не на литр – адмиральскую зарплату собрать можно; Шурка в очередной раз с сомнением задумался о жизненном пути. Какой способ зарабатывания денег может быть прямее, чем получать их просто так? Он никогда не подозревал в себе такой любви к людям.

– Когда дембель-то? – покровительственно спросил молодой мужик, протягивая раскрытую сигаретную пачку.

– А для детей вход бесплатный? – поинтересовалась явная учительница при кучке подпрыгивающих созданий; когда она с педагогическим видом полезла в сумочку, Шурке стало совестно, но не мог же он ей сказать: Ладно, вы не давайте.

Трое с утра подданных финнов, вдумчиво кренясь, потыкали в надпись и разрешили сомнения тем, что сунули в щель десять марок. Пара стриженных братков, передвигавшихся по своим делам от одного лотка к другому, переглянулись с презрением и ревниво скормили ящику пять баксов:

– Что, братан, на снаряды колымите? – они дружелюбно захохотали, бесхитростные в общем спортивные парни.

Шурка вошел в роль и был искренне убежден, что собирает на реставрацию музея! Ветеран с газетой День под мышкой, влюбленная пара с тридцатирублевой розой, очкастый сухарик богомольного вида – ясное дело, жертвовали на святое начинание. Спыхватываясь, он удивлялся раздвоенности сознания.

Через два часа, сказав себе: Жадность фраера губи и усилием воли прекратив сеанс, он вернулся в дворницкую, по дороге зайдя в обменник. С помененной валютой и горкой мелочи денег было триста тридцать два рубля, не считая горстки эре, пенсов и одной эстонской кроны.

За десятку он взял машину до вокзала, там купил банку Хольстейна и пачку Парламента. Примерно так должен жить матрос с крейсера Аврора! – бодро порадовался он за себя, шлепаясь в электричку.

Душа просит праздника всегда, но при деньгах особенно. Шура немедленно повел Майю в кафе, где заказал амаретто, шампанского и бутербродов с семгой.

– Мужик одному заказ подхалтурили, – пояснил он приятно удивленной Майе свое благосостояние. Майя особенно оценила то обстоятельство, что он не поволок ее сразу в койку или на травку, а сам предложил культурную программу: это свидетельствовало в пользу ее планов на серьезные отношения.

– У меня тут потом еще маленькая встреча, ничего? – спросил он, и ее круглое личико вытянулось в овал, что ей тоже шло. – Ты чего?.. Да нет! Тут солдат один в мастерских, ну, который звонил, сделать кое-что должен.

– Где это ты с ним познакомился? – Майе не понравилось такое распределение его времени.

– Да здесь, когда в прошлый раз так неудачно к тебе сорвался.

Иван явился на станцию в пять – Артиллерия любит точность, братишка!.

– Здорово, флотские! Ну?

Шура раскрыл пакет с двумя бутылками водки, колбасой, огурцами и батоном. Солдат сглотнул, крикнул и, принимая гонорар, ответно другой рукой вытащил из кармана и протянул ударник. Это напоминало дипломатическую церемонию обмена подписанными договорами.

– Смотри сюда. Втулка на сорок миллиметров наварена, шов зашлифован, видишь? Стержень ударника в основании тоже надставлен, все путем! – Иван совал пальцем и требовал восторженной оценки. – Резьба как ты говорил. Погодь-ка секунду!..

Он змеисто скользнул сквозь ветви к ларьку и вернулся с пластиковыми стаканчиками:

– Ну, давай по одной – за работу! – Он был хватким, но явно не жадным. – Девушка твоя будет?

Майя пить водку отказалась.

Врезали, крикнули, выдохнули, Иван на секунду вдруг перестал лучиться радостью успешной сделки и взглянул пронзительно, с неожиданной усталой мудростью. Не так он был прост, змей в застиранном камуфляже. Но тут же зажевал и заулыбался:

– Я ж говорил: соглашайся – не прогадаешь. Работа супер!

Шурка с Майей успели еще полтора часа побыть вдвоем и, что примечательно, никогда еще крылья любви не несли его так мощно, как на этот раз. Майя стонала в изумлении, и при расставании выглядела встревоженной. Она что-то почуяла, но не умела это себе объяснить.

...На утренней приборке Шурка вынул заглушку и ввинтил заранее смазанный по резьбе ударный механизм в затвор. Резьба, похоже, на какие-то микроны не совпадала, но это была ерунда. Он оглянулся: полубак и мостик были пусты, молодой швабрил палубу за рубкой и никуда не смотрел. Шурка взвел пружину и спустил рычаг: ударник крепко и четко щелкнул металлом.

– Так, – ухмыльнулся Шурка дурашливо: – Как попасть, значит? – наводи и стреляй! – н-ну-ну. – И неизвестно про кого ласково добавил: – Падлы!

4

Капитан – лейтенант Мознаим придумал план, как стать богатым. Он постоянно имел дело с техникой и маслами, и запах топлива, возможно, ударил ему в слабую голову: прибыли нефтяных корпораций мешали ему спать.

Если бы, конечно, он служил на настоящем крейсере, да не у стенки, а постоянно ходящем в походы, то там мазут мерится на тысячи тонн, и пара пустых откачать налево тонн десять-двадцать. А здесь, с этими количествами, не откачка, а отсос.

Мознаим долго лазал по бывшей жилой палубе Авроры и в трюмах, растягивая рулетку и помечая записи. Мазутные цистерны, переоборудованные в тринадцатом году из угольных ям при переводе машин на жидкое топливо, располагались вдоль бортов, как и предписано основами военного кораблестроения (служба дополнительной защитой жизненно важных узлов при пробивании снарядом бортовой брони). Везением было то, что при капитальном ремонте в восьмидесятые, когда в доке почти весь трюм с днищем заменили на хилую бутафорию, основная часть цистерн пришлась выше уровня отреза и уцелела. Это делало его план в принципе возможным.

Мознаим облачился в робу, взял для подстраховки матроса, они отдраили горловину левой носовой цистерны, и, светя фонарем, он пролез внутрь.

Бутафорская железная емкость была гулкой и ржавой. Но дно ее, к великому разочарованию, не было приварено к стенкам! Возясь коленями в сыром и шершавом, Мознаим на четвереньках обследовал щели и пришел к выводу, что их можно заварить. Дно цистерны лежало на бимсах нижней палубы, и добрые двутавры нагрузку должны были держать.

Главное в хорошем деле – скрыть его от начальства.

График плановых работ на корабле – вещь достаточно условная, особенно если условен сам корабль. Командир БЧ (боевой части) может показать в плане все, что ему заблагорассудится, и ни командир корабля, ни старпом проверять его не полезут: с них достаточно отчета о ходе работ. При деле матрос? – порядок. Какой трюмной видел командира корабля в цистерне?..

Мознаим проверил сварку и загнал сварщика в левую носовую. Шов был проще некуда, но числящийся по штатному расписанию сварщиком матрос варить умел условно. Условность флотской жизни вообще может свести с ума.

Сварщик варил два дня и сжег все электроды. Мознаим списал электроды и помчался в базу кланчить еще.

Обнюхав работу, он объявил учения машинной и трюмной команд по борьбе за живучесть корабля и действиям по водяной тревоге. Рукав машинного насоса опустили в воду и сунули хобот в приемный лючок цистерны.

В двух местах шов потек. Воду откачали. Мознаим взгрел сварщика и послал переваривать.

И когда левая носовая и средняя (про запас) были приведены в порядок, который условно можно было считать рабочим, кап-лей приступил к исполнению второй и главной части своего плана.

Основан план был на том простом и доступном каждому наблюдении, что топлива по Неве зря плавает – до черта. Нет, Мознаим не сошел с ума настолько, чтоб собирать радужную нефтяную пленку с поверхности. Это могло бы прийти в горячую голову только активисту гринписа.

Топливо же в товарных количествах шло сверху по течению в самоходных нефтеналивных баржах, условно именуемых танкерами типа река-море серий Волго-Дон и Волго-Балт. Они закачивались дешевым мазутом в Баку либо (тюменским) в Волгограде и тихо чапали в

Скандинавию: малая речная осадка позволяет подниматься по фиордам и мелкостям до любого селения, и это обходится куда дешевле нефтепроводов или автоцистерн.

Возможно, эта обстоятельность в мелких технических деталях выглядит для непосвященного занудством. Но пока количество деталей не достигнет критической массы, событие не может состояться: ему нет основания. По мере же их накопления в один прекрасный момент оказывается, что действие незаметно уже идет полным ходом. Причем масштаб и незаурядность любого действия зависят лишь от комбинации обыденнейших деталей, этих первокирипичиков нашей жизни, которая есть не то сон, не то борьба противоположностей, не то реализм без берегов, медленно тянется, быстро проходит, преподносит сюрпризы и бьет ключом по голове. Кроме того, детали поучительны и расширяют кругозор, а это всегда может оказаться полезным.

Мознаим и решил извлечь пользу из своих знаний. Он взялся опровергнуть сомнительный тезис передачи Что? Где? Когда?! якобы только в ней можно заработать деньги своим собственным умом. Если сравнить заработанные собственным умом деньги Ворошилова и, допустим, Мавроди, это может явиться актом правосудия в случае смерти Мавроди от смеха. Нет, господа телевизионныеgrossмейстеры, чтобы заработать деньги собственным умом, надо знать прежде всего одно: как купить дешево и продеть дорого, оставшись с таким счастьем на свободе.

Нефтеналивники вставали выше мостов, в Речпорту. Там перед выходом доукомплектовываются экипажи и оформляются документы перед загранкой.

Мознаим взял больничный и поехал в Речпорт.

Пятитысячник Волго-Балт 39 стоял у стенки и выпускал ауру мазута, как нефтяной магнат. Мознаим офицерской поступью взошел по трапу и велел бритоголовому губошлепу с повязкой вахтенного доложить о себе капитану.

– Мастер отдыхает.

– Исполнять!

Пацан побурчал и отправился.

Капитан поднялся навстречу в каюте, шаркнув тапочками и застегивая клетчатую рубашку.

– Извините за вид, – сказал он, пожимая руку. – Мы здесь по домашнему... я отдыхал. – Кивнул на кресло и придвинул пепельницу.

– Какие дела к нам у Военно-Морского флота? Рюмку чаю хотите? – предложил он.

– Виталий Николаевич, – представился Мознаим.

– А я – Кирилл Николаевич! Как насчет ста грамм, Николаич?

– Не сблую-с! – раздул воображаемые гвардейские усы Мознаим.

К бутылке азербайджанского коньяка прилагались лимон и печенье.

– Настоящий, – уверил хозяин, снимая пробку, – на базе в Баку брали.

Флотское гостеприимство не велит гнать обороты. Гость редок и тем ценен. Отчего не тяпнуть капитану с капитан-лейтенантом. Контакт? – есть контакт! – тогда и поговорим.

Коньяк был без подделки, и контакт пришел с первой дозы.

– Есть возможность помочь флоту, – серьезно поведал Мознаим.

Кирилл Николаевич, как опытный капитан, не выказал безоглядной поспешности бросаться на помощь флоту. Он выдержал паузу и в качестве первой помощи налил по второй.

Мознаим выпил, пососал лимон и построил предложение иначе:

– Есть возможность заработать.

– Это уже доходчивее. Так помочь или заработать? – уточнил капитан.

– Ваше здоровье!

– Ваше!

Народ и армия едины: после третьей военной и гражданский флот закурили и перешли на ты.

– Не тяни кота за хвост, – посоветовал капитан и сдул дым в стекло, туманя унылый невский пейзаж. – С чем пожаловал? Помощь – это святое, но спасателю следует премия в четверть стоимости груза, верно?

– Я служу на Авроре – какой там груз?..

Капитан был вынужден признать Аврору судном социально бесполезным, и с сожалением посмотрел на почти опустевшую бутылку. Мознаим опустил руку в портфель и восстановил натюрморт пол-литром Кристалла и баночкой красной икры.

– Продай немного мазута, – сказал он.

– Так бы сразу. Сколько?

– Тонн пятьдесят.

– Вы что, в поход собрались?! Ты меня с японским супертанкером не перепутал? У меня всего-то четыре тысячи в танках.

– Ого. Будет три тысячи девятьсот пятьдесят. Ты считать умеешь?

– Я считать умею. За недостачу пятидесяти тонн шведы выкатят такую претензию нашему грузовому агенту, а он ее переадресует грузоотправителю, что я потом замучусь взятки давать, чтоб дело замяли и визу не закрыли. Не-не-не, я в эти игры не играю!

– А ведро нальешь?

– Ведро налью.

– За сколько?

– За так.

– А два?

– И два налью.

– Ну так налей тонн тридцать.

– Много.

– А сколько?

– Две.

– Да что мне, ботинки ими чистить, что ли? Вот черт, а у меня и деньги с собой. Ну ладно... – Мознаим снял со стола нежно булькнувшую бутылку, как бы взвесил задумчиво, убирать или все же употребить здесь, решительным выдохом изобразил молодецкое Эх! и свинтил головку.

– У тебя нож есть?

Красная икра была действительно ярко-красной, по контрасту с ней водочка отдавала в льдистую голубизну, и эстетика цветовой гаммы провоцировала слюноотделение.

– Продолжение следует, – сказал Мознаим и налил. – Содержание предыдущей серии вам известно. Сцена первая: тебе нужны сто баксов?

– За просто так – да. А чтоб пароход за них продать – нет.

– Пароход остается тебе.

– Спасибо. Я за это доплачивать не должен?

– Ты должен только получать. Плачу я. Я даю тебе в руку сто баксов. Ты перекачиваешь мне двадцать тонн. И идешь дальше, отапливать мерзнувших шведов, которые все не могут отогреться после Полтавы.

Капитан выдвинул ящик стола, вооружился калькулятором и стал считать:

– Пять долларов за тонну... или восемьдесят центов за баррель... или два цента за галлон очищенного топливного мазута. Полцента за литр. Я тебя уважаю. Наливай!

– Идет? – радостно вскинулся Мознаим, мало осведомленный в мировых ценах.

– Нет.

– Почему?

- Мало.
- Ну – давай за согласие!
- За согласие! Будем.
- Так чего мало-то?
- Денег мало. А мазута много. Плюс риск.

Водка попала не в то горло, бешеная слеза ударила в стол картечиной, перехваченный голос засипел сорванным и страшным боевым сипом.

– Это – риск? – услышал себя Мознаим. Такой голос предполагает простреленный флаг, скрытые мундиром шрамы, серое от пороховой гари лицо и нож, лезущий из рукава. Капитану следовало испугаться, устыдиться, сжалиться, сдаться!

Мознаим продышался, проперхался и расстелил по столу сто долларов – как пароль при встрече двух разведчиков, которые совмещают половины разорванной купюры, только эта была лучше, потому что целая.

– Десять тонн, – прохрипел он на целую октаву ниже, чем выводил когда-то Шестнадцать тонн! знаменитый американский бас, и теперь в голосе качнулась виселица для осужденных и осужденных.

– Где и когда? – отозвался капитан, глядя в лицо любимейшего из героев современной русской истории – Бена Франклина, и реагируя более на изображение, чем на звук. Лицо отца американской конституции излучало уверенность в праве на счастье для каждого. Трудно даже предположить, каким магнетизмом он обладал при жизни, если даже два века спустя сохранил способность так воздействовать на людей.

Мознаим оставил портрет на столе гипнотизировать капитана.

- Пройдешь ночью Литейный мост и ошвартуешься у нас по левому борту.
- Мы завтра пойдем.
- Во сколько точнее – не знаешь?
- Как диспетчерская пустит. Ты встречай!
- Раскрытыми объятиями. У тебя с кранцами как?
- Вот только обо мне не заботься!..
- О своем борте забочусь!
- Вывесим, хватит. А что у тебя насос?
- Насос качает, хм.
- Слушай, – сказал капитан, – а у тебя счетчик есть в насосе?
- А у тебя?
- У меня только мерная рейка.
- Вот и измерим, не бойсь.

Они покрыли белый хлеб желтым маслом и красной икрой, чокнулись и продолжили обсуждение подробностей.

– У тебя рейс в оба конца месяц занимает? – убеждал Мознаим. – Вот и считай: плюс сто баксов к зарплате, это тысяча двести в год – плохо, что ли? Капитал!

– А отпуск? – возражал капитан.

– Отпуск я не оплачиваю, – открестился Мознаим.

...Следующие сутки по кораблю дежурил лейтенант Беспятых. После спуска флага Мознаим увлек его под локоток:

– Слушай, – тоном большой удачи поделился он, – я договорился тут топлива на всю зиму принять!

Беспятых был далек от проблем Газпрома и Транснефти.

– Замечательно, – вполне равнодушно отреагировал он.

– Но это так... хозспособом, понимаешь?

– В смысле?

– Танкер ночью подойдет и нам немного перекачает.

– Почему ночью?

– Потому что днем мосты сведены.

Беспярых признал объяснение разумным.

– В вахтенном журнале это отмечать не обязательно.

– То-есть? – насторожился Беспярых, уже наученный не писать лишнего в вахтенном журнале. – Почему?

– Ну, потому что официально нам этого не полагается. Зато тепло будет. Так что, сам понимаешь, не трепись.

– Ясно. Чем просить и унижаться – лучше спиздить и молчать, – рассудительно согласился Беспярых, и совесть его на этом успокоилась. Инструкцией не отопишься, а зимовать в железе зябко... бече-пятому виднее.

К разводу мостов Мознаим переминался на баке с биноклем. Волго-Балт 39 прошел мост четвертым и начал медленно уваливать вправо. На самых малых ходах, подрабатывая назад правой машиной и сдвигаясь по течению, он раскладывал носом черную в змейках огней воду, и достигшая Авроры пологая волна с шелестом плеснула в скулу.

– На кранцах по левому борту – смотреть! – скомандовал Мознаим.

Вывешенные за борт автомобильные покрывки сползли, строясь под линию палубы осевшего в грузу танкера.

– Ну как там у вас? – гукнул ночной космос громкой трансляцией: в свете ходовых огней различался напряженный силуэт на крыле мостика.

– Порядок, – закричал Мознаим. В соотношении масштабов голоса это напоминало беседу человека с Богом.

Танкер подвалил, с носа и кормы кинули швартовы, они были подхвачены на крейсере и заведены за кнехты.

– Стоп машина! Николаич, ты?

– А кто же! Ну?

– Давай по-быстрому, мне мосты пройти надо!

– Момент!

У борта задвигались, помогая возне рабочим матом, внизу на танкере лязгнул откинутый люк горловины: Майнай шланг... еще!.

– Трави шланг! Ну! В машину – насос!! На цистерне – следи!

Собственно перекачка заняла восемь минут.

– Отдать швартовы! Боцман – палубу прибрать... наследили тут!

Через полчаса следы преступления были стерты, смыты, скрыты. Танкер скрылся, продолжая свой путь. В цистерне плескалось десять тонн мазута.

Как человек военный, Мознаим привык одновременно решать только один вопрос. Товар был получен. Теперь вставала конкретная задача, кому и как сдать. За полцены – нет проблем. Котельные города на голодном пайке, но с этих-то взятки гладки... а вот коттеджи новых русских – все на мазутных котлах, со скидкой – они все возьмут, и транспорт свой найдут, для этих ребят препятствий нет, а считать копейку они очень даже умеют.

Он спустился вниз, с удовольствием понюхал цистерну, прислушался к содержимому и поехал домой спать.

Заправиться вот так – и к черр-ртовой матери отсюда... – неконкретно подумал он в серой дреме, клюя носом в первом трамвае.

5

Унижение сравнением с Белфастом нет-нет да и давало себя знать. Вообще строевому командиру командовать музеем, что бы он ни говорил с высот опыта о покое и удобствах береговой жизни, – все равно что любителю животных пылесосить чучело кота. В хорошего моряка вбит рефлекс: любую акваторию рассматривать как пространство для похода, боя и победы. Бутафория службы разъедает личность скепсисом и депрессией, для лечения которой существуют только два лекарства: выпить водки и не думать – или изменить обстоятельства, ведущие к этой самой депрессии. Но если на водку не хватает зарплаты, а обстоятельства вяжут тебя по рукам и ногам, человек часто звереет без видимой причины – хотя на самом деле причин полно, а повод годится любой.

В таком состоянии Ольховскому на глаза попался подкуренный Груня. Он бесконечно водил кисточкой по леерной стойке и бессмысленно хихикал.

– Опять, сволочь! – рявкнул Ольховский.

– Никак нет, – замедленно и очень ровно, как раздвижной штатив, вытянулся Груня и хихикнул.

Ольховский схватил его за шиворот и встряхнул. Груня послушно взболтнулся под рукой. Ольховский сошел с резьбы.

– Есть у тебя хоть какая-то гордость за свой корабль? – прорычал он, сознавая всю глупость и неуместность первых попавшихся трафаретных слов. – Ты где служишь, животное?

Груня повел себя неадекватно. Он устал от службы, и радовался жизни только под дурую.

– Корабль в море ходит, товарищ капитан первого ранга, – лучезарно доложил он, капая краской на прогар.

Ольховский задохся от унижения.

Единственным итогом он сумел конвульсивно родить приказ В трюмах сгноить гниду! что на бутафорском корабле следует понимать скорее фигурально.

Ольховский же повернулся на каблуках так, что фуражка смазалась козырьком вбок, не успев за вращением головы, и проследовал высказать негодование старпому.

– Знаешь, о чем я мечтаю? – спросил он, стравив пары.

– Знаю, – флегматично кивнул Колчак.

– Ну?

– Тебе в подробностях? Выстроить команду на баке, вызвать вооруженный караул и под горн повесить его на рее.

– Почти телепатия... Но на самом деле я мечтаю о другом...

– Все мечтают о другом, хм.

– В последние годы я понял, почему матросня в восемнадцатом году переколола в Кронштадте всех офицеров.

– С-с-сволочня потому что.

– Озверели-с, вашбродь. Развал, воровство, безнадега, безделье – и все можно. Ничего не напоминает?

– Есть предложения?

– Почти есть... – зло прищурился Ольховский.

– Гонять как сук и держать в ежовых рукавицах!

– Ежики для рукавиц кончились, господин старший помощник. Что ты с этим Груней сделаешь? Нету у военкоматов для тебя других матросов! Губа? Дисбат? ЧП нам первым не нужно, и он это лучше тебя понимает. Списать? А пришлют лучшего?..

Колчак в этот день был также не в духе, но уже по совершенно другой причине, характера сугубо личного. Он получил официальный ответ от начальника КЭЧ, что квартиры ему в бли-

жайшем полугодии выделить не смогут, следовательно, поскольку на съемное жилье казенных денег и близко не хватало, а своих тем более, семья продолжала куковать в Севастополе. Ему предстояло вечером звонить туда и сообщать эту новость жене.

– Да, – сказал он, – примерно вот так революция и происходила. Грохнуть раз главным калибром по штабу флота – и мгновенно найдутся квартиры для всех желающих. Кстати о грохнуть... в смысле о квартирах. Пошли чего покажу.

Он увлек Ольховского на палубу. Отчужденной прямой пройдя сквозь бессмысленное движение туристов, зацепились взглядом за приоткрытую дверь рубки – на ручке покачивался разъявленный замок.

В рубке они застигли фигуру в белесой застиранной робе, акробатическим пируэтом отлетевшую от штурвала и еще в воздухе пытающуюся принять стойку смирно. Когда смазанное изображение зафиксировалось стуком каблучков о палубу, оно оказалось матросом Габисония. Матрос состоял из вытаращенных глаз и икоты.

– Блядь!! – завопил Ольховский.

– Й-я!! товарищ капитан первого ранга! – выкрикнул Саша от испуга и старательности на той же громкости.

– Ты что здесь... аэробикой занимаешься?!

– Никак нет!

– А чем?!

Саша дернул щекой, покраснел и запыхтел.

– Рукоблудствовал, – недобрым голосом предположил старпом.

– Я... у штурвала... стоял просто... – пробормотал Саша.

– Зачем?! Что?!

– Я... так... как бы... мечтал... – теперь для передачи Сашиного голоса пришлось бы прибегнуть к самым маленьким, неразличимым буквам. – Виноват, товарищ капитан первого ранга... не повторится!..

– Кто ключ дал? Спер? Мечтатель. Пять нарядов! А теперь пошел вон, – с отвращением сказал Ольховский, и гаснущее видение дробью чиркнуло по трапу.

– У штурвала он мечтает... – хмыкнул Колчак. – Мало занят, значит.

Ольховский расслабил тело в адмиральском кресле и бездумно вперился по курсу в неизменную набережную за длинным отблеском серой воды.

– Петр Ильич, ты музыку любишь? – спросил Колчак.

– Нам и без музыки дерьма хватает. А что?

– А просто, – вот тот особнячок прямо по курсу купил Ростропович с Вишневской... тот синий, трехэтажный.

– Весь?

– Весь.

– Уважаю виолончелистов, – сказал Ольховский. – Ты это и хотел показать?

– Тут я знаешь что подумал? Мы могли бы организовать товарищество с ограниченной ответственностью Выстрел Авроры. Хорошие бабки гребли бы.

– Это как?

– Ну, скажем, богатый новый русский за двести тысяч может из бакового орудия засадить один снаряд по городу. По памятникам архитектуры нельзя. Точность попадания мы обеспечиваем. Боеприпасы наши. Из двухсот тысяч мы рассчитываемся с городом за убытки, а разницу – себе. Налоги, конечно.

– У меня тоже мысль одна была, – сказал Ольховский. – Привести корабль в порядок и катать новых русских по Неве – за очень большие деньги. Сразу модно станет. Ресторан, казино, в охране матросы в пулеметных лентах. А потом подумал – нельзя.

– Почему?

– Утопить кого-нибудь захочется, швырнут матросики банкира за борт с колосниками на шее, потом копоты не оберешься, слухи пойдут, расследование, а...

Полистали мысленные картины.

– О чем я думал, когда командовал Москвой? – пожал плечами Колчак. – Ведь мог поднять самолеты, разнести эту самостийную раду, спровоцировал бы заваруху, а обратного хода уже нет, – и был бы Севастополь наш.

– А ты бы где был?

– Застрелился, – рассудительно ответил Колчак. – Так хоть человеком бы побыл! А это что – жизнь? Твою мать, Петька, когда же просвет. Ты не обращал внимание: сейчас спивается масса народа старше сорока, вот что интересно. В молодости гулял, квасил, все ничего, жизнь так или иначе состоялась, – и вдруг на склоне лет и карьеры без стакана день прожить не может. Почему бы? А глухо, как в трюме.

– Ты Саблина помнишь с его сторожевиком?

– Долбак твой Саблин! Тоже, второй лейтенант Шмидт. Через всю Балтику, против флота, когда все гайки закручены – на что он рассчитывал? Хочешь уйти – захвати малый торпедный и дуй к тому берегу. Хочешь мир известить – рви зигзагом на радио в Стокгольм. Не можешь выстроить операцию – не офицер! Типичный русский бунт – пример бессмысленности.

– Достало, значит.

Они посмотрели друг на друга, помолчали и засмеялись.

– Машину не наладишь, – сказал Колчак.

– Налажу. Нам хватит оборотов сорок на один вал для малого хода.

– Котлы не соберешь.

– Соберу. Дизель форсирую.

– Штанги срезать?

– Тоже, проблема.

– А как ты с постаментов поднимешься?

– Дождусь нагонной воды. А вообще – понтон, с правого борта – кольца, и полотенца под днище. У нас шесть тысяч тонн – подумаешь.

– Где ты возьмешь понтон? – Колчак провел пальцами по нижней кромке смотровой прорези и внимательно осмотрел их, проверяя чистоту. Ненужного ответа ждать не следовало, потому что достать можно что угодно, и он знал это не хуже командира.

6

– На флаг и гюйс – смир-рна! Флаг и гюйс – поднять!

Вползли и впечатались в сизые тучи трехцветный государственный флаг и небесным крестом по горному снегу – андреевский.

Бросили руки от козырьков офицеры, но команды вольно не последовало: врос и тянулся матросский крошечный строй, подавая уставную выправку со снисходительной небрежностью служак.

– Слушай приказ! Принято решение вновь превратить Аврору в активную плавединицу, вернуть ей статус действующей учебной базы флота. Объявляю переход на новый распорядок. С этого момента корабль переводится в режим подготовки к бою-походу. Машинной и трюмной командам: привести механизмы в готовность для подачи оборотов на гребные валы. Топливные цистерны проверить и подготовить к приему топлива. Командиру БЧ-5 – выделить людей для переборки рулевой машины, обеспечить передачу усилия со штурвала на баллерс руля. Начарту – орудия главного калибра в рабочее состояние! Всем командирам боевых частей и старшим команд подать план и перечень необходимых работ к семнадцати ноль-ноль. Поздравляю экипаж с переходом на боевой корабль!

Затянувшаяся пауза имела тональность стога, где более изумления и мрачных предвидений, нежели восторга.

– Ответ не слы-шу!

Выдержав отмеренные две с половиной секунды выдоха, ответ прозвучал с революционным разнобоем: если одни нестройно оторвали:

– Служим Отечеству! – то другие покрыли святые слова казенным гарканьем:

– Ура! Ура! Ура!

Суммарный эффект клича получился какой-то невнятно-угрожающий. Так, вероятно, роптали на митинге стрельцы.

В течение всей процедуры Ольховский слышал свой голос со стороны, в метре правее и выше головы, которая была пустой и гулкой; он помнил такое за собой, когда девятиклассником выпил первый стакан водки.

– Вольно! Разойтись по заведованиям.

В десять пришел Иванов-Седьмой и, потрясенный новостью, немедленно уединился над заветной папкой. Объявленное начинание породило в нем такой богатый урожай мыслей, что черные каллиграфические буквы клонились и спешили, как матросский строй по команде: Не в ногу – бегом марш!

Трудно даже описать энтузиазм, с которым встретил экипаж приказ командира, – писал он. – Наконец-то наша служба обрела подлинный смысл. Мы ощутили себя единой семьей, спаянной великим общим замыслом – дать новую жизнь историческому крейсеру Аврора.

Эхо Октябрьского выстрела еще живет в грозных обводах корабля. И вот это эхо наполнилось сегодняшним звучанием. Мы еще повоюем, черт возьми! Мы еще покажем всем, кто поспешил похоронить великие идеалы Свободы, Равенства и Братства, что есть порох в пороховницах и огонь в сердцах!

Память об историческом выстреле согревает нас. Кто знает – История совершила диалектический виток, и не суждено ли нам повторить свою великую миссию!

А пока надо все силы отдать подготовке корабля. Куда мы пойдем? Видимо, говорить об этом еще рано. Но каждый знает, где находится причина всех бед нашей многострадальной Родины. Как пелось в священном старом гимне: Добьемся мы освобождения своею собственной рукой! И еще одна цитата приходит на ум: Трепещите, тираны!

Задача потребует напряжения всех усилий. Но мы знаем, что весь Балтийский флот мысленно с нами! И не сомневаемся в оказании нашему кораблю всемерной помощи от товарищей по оружию и вышестоящих инстанций.

Так и хочется воскликнуть: Братья, помощь близка!

Офицеры корабля словно помолодели. Лица матросов полны молодым задором. Недаром говорится: Русскому матросу все по плечу!

Несомненно, новый распорядок будет способствовать прекращению пьянства и нарушениям дисциплины на корабле. Великие задачи объединяют людей!

Теперь каждый из нас мечтает только об одном: чтобы именно ему была доверена великая честь произвести знаменательный выстрел из бакового орудия!

Делая эти записи, я заметил, что у меня поднялась температура и начала кружиться голова. Думаю, что это сейчас можно сказать о каждом.

Вопреки последнему предположению легковозбудимого директора музея, пустое гудение в голове у Ольховского прекратилось, и он не мог согреть ледяные пальцы. В реальный мир его вернули слова Колчака, вошедшего без стука и швырнувшего фуражку через всю каюту на диван:

– Чего сидишь? Теперь поздно сидеть, гудок дан. Хорошо бы особиста утопить, командир.

– Что-о?

– То. Нечего кому не надо знать о наших делах. Раньше времени, по крайней мере.

– Ерунда, – отмахнулся Ольховский.

– Ого?

– А его эти вещи не касаются. Его касается идеологическое состояние команды и отсутствие должностных преступлений. А мы работаем над материальной частью. Ни воровства, ни политических лозунгов – напротив, сами все доставать будем. На хрена ему себя затруднять?

– А чуть любая проверка?

– А что они будут проверять? Наличность экипажа и порядок в помещениях? Сколько влезет. Они что, в рулевое полезут?

– А если?

– Э. Инициатива снизу.

– За инициативу снизу стержень и вставляют... снизу. Зачем, почему?

– Пионеров катать будем. По Неве. За деньги.

– Каких пионеров?! Бредишь своим детством?

– Тогда депутатов. Да брось ты – первый год на флоте, Палыч? Никого ничто не колышет. Выпьем и отбредаемся!

– Узнаю любимый флот, – вздохнул Колчак. – Сначала делаем, потом думаем – когда уже тонем. Ты что, не понимаешь, что через неделю, максимум, все все будут знать?

– Откуда?

– От верблюда. Из воздуха. Не знаю откуда, но только через несколько дней всегда все все знают, вот так флот устроен. И тогда плакала твоя Москва, в Мордовию по этапу пойдешь.

– Легенду пустим. Мечтаем пойти в Лондон с визитом дружбы.

– Крыша у тебя съехала на этом Лондоне! Ты мне напоминаешь сейчас чеховских сестер, которые рвутся: В Москву, в Москву! – а сами дуры дурами... прости ради Бога.

– Между чеховской сестрой со слезами и крейсером первого ранга с шестидюймовками есть маленькая разница. Но в чем ты прав, конечно, – подсуетиться надо, чтоб не успели нас прихватить и стопорнуть.

– Так что – поднимаемся привычным хозспособом?

7

Строительство хозспособом развратило вооруженные силы давно и до крайности. В основе его лежало благое намерение, которыми вымощены у нас все дороги: направить воровскую смекалку в полезное русло, на решение нужных армии и флоту задач. Неудержимую склонность пристраивать все, что плохо лежит, задумано было использовать как созидательную силу. Этим остроумным ходом предполагалось безостановочно убивать по два зайца сразу: как бы покончить с воровством путем придания ему легального и даже похвального статуса, ибо все другие пути мгновенно впадают в традиционное российское бездорожье – и одновременно тем самым получать то, что нужно, если получать это неоткуда.

По преданию, Петр I, стремившийся привести в порядок и стройное подчинение всю деятельность в стране, озверел от повального воровства и однажды поделился с Меншиковым мыслью подписать нехитрый и эффективный высочайший указ: кто украдет что-либо стоимостью дороже веревки – да будет повешен на этой самой веревке. Меншиков был министром отменно проворным во многих смыслах – отчего посвящение его в план кампании первым носило угрожающий характер. Ответ Меншикова история для нас сохранила. Мин херц, – сочувственно отвечал он, – останешься без единого подданного. Оценив перспективу и затруднившись в поисках веских контраргументов, Петр обломал об спину оппонента трость, и с тем кампания завершилась. В очередной раз русский народ был спасен от геноцида со стороны властей. Поскольку любимой цитатой нынешних поколений из всей мировой поэзии стала бессчетно повторяемая но ворюги мне милей, чем кровопийцы – достойно удивления, что ни в Петербурге, ни в этом нашем Меншиковбурге – Москве, ни даже в Березове нет до сих пор памятника Меншикову, бизнесмену и гуманисту; было бы как нельзя более уместно и своевременно исправить сейчас это историческое упущение.

Хозспособ заключался в том, что командир вел строительство (ремонт, переоборудование) силами подчиненных во время и вместо службы, а нужные материалы и все на свете где мог крал, кланчил, выменивал и одалживал – короче, доставал. Начфин вел бухгалтерию, по которой все добытое значилось приобретенным в кредит. Годовой отчет подбивал баланс этим подвигам Геракла. А уже в новом году финуправление округа или флота гасило расторопной части показанные ею затраты в той или иной мере. То есть: ты сначала вынь да положи! – а потом я погляжу, как ты умеешь выполнять приказ, и покрою тебе расходы насколько смогу и захочу. Крутитесь товарищ командир! И крутились: тридцать два фуэте по сравнению с этим – переход улицы паралитиком после двойной дозы снотворного.

Командир воспитывался в духе сметливости и инициативы. Требовалось мочь все, не прося ничего. Манна небесная в паек не включалась. Сверху не сыпалось ничего, кроме выговоров и мата. Мудрость гласила: Делай что хочешь, пока тебе не запретили. Шевелись, рыбий корм!

Получив своего рода духовного пинка, народ слегка выпал из духовной спячки и зашевелился. Выпадение из спячки обычно сопряжено с открытиями, некоторые из которых бывают приятными. Первым открытием явилось, что рулевая система находится в состоянии хотя нерабочем, но поддающемся наладке.

Старшина трюмных Сидорович влез вниз в румпельное отделение и убедился, что сама рулевая машина цела. От недостатка витаминов и плохого освещения у него в последний год развилась близорукость, и теперь он выудил из кармана робы очки и пристроил на кривоватый нос: очки преобразили старшину трюмных в маскарадного интеллигента. Этими очками он повел во всех направлениях и обнаружил, что электромотор покоится на предназначенном ему месте, но передаточные тяги в приводах отсутствуют. Сидорович покивал сам себе и отправился к боцману.

Квадратный Кондрат кружил, как привязанный, вокруг шпилевой машины, одной рукой он грозил злым силам, а другой держался за сердце.

– Товарищ мичман, – вкрадчиво приступил Сидорович, – цепи надо организовать.

Жизнь порядочного боцмана – это одно сплошное страдание: Гобсек по сравнению с ним – безудержный транжира и мот.

– Еще чего, – болезненно возмутился Кондрат. – Какие и зачем? Цепи им.

– А в тех шпилевых, которые при музее. Они ж настоящие, а лежат все равно только для бутафории.

– Что значит – для бутафории?! Ты те цепи красил? Ты их лачил? Якорь-цепи ему подавай... вздумал!

– Якорей у вас четыре, а руль у нас один.

– И что? Мало тебе?

– Мы их пропустим через ходы тяг, подсоединим.

– Вот пусть старпом прикажет – тогда подумаю.

Сидорович поскакал к Колчаку выплакивать свои потребности.

Колчак двумя пальцами, как таракана, снял с него очки и брезгливо протянул:

– А электропривод?

– Провода от динамо протянем, это пустяки.

– Хм. Пустяки. А гидроусилители ты смотрел?

– Так точно.

– Ну и!

– Нормально. Уплотнители сами сделаем. Хорошо бы только стеола, ну, или тормозной жидкости достать. Зальем и попробуем.

– Сколько?

– Литров пятьдесят... товарищ капитан первого ранга.

– Подумаю. Надо – будет. Цепи бери. Под мой приказ. И давай – крутись, крутись!

Гидравлическую жидкость посреди города взять негде. Обращаться в базу флота было нельзя – любая утечка информации, любые вопросы и подозрения могут сорвать замысел. Портовые мастерские? – то же самое. Колчак стал думать. Примечательно, что думал он о чем угодно, но мысль о покупке тормозной жидкости в автомагазине сразу осталась за скобками: самый прямой и короткий путь к цели всегда прегражден отсутствием денег. Он принялся крутить телефон платной справки:

– Девушка, из Главного управления Балтфлота беспокоят! – Наглое представление – это рефлекс: для улучшения связи, чтоб не отфутболила тебя девушка побыстрее, у нее от телефонных голосов вавилонское столпотворение под черепной крышкой, профессиональное заболевание телефонных диспетчеров – шизофрения, голоса начинают будить ночью и подстрекать на глупости. – Телефоны автобусных предприятий дайте, пожалуйста. А штуки три, что там к центру поближе.

По директору автопарка вместе с его хозяйством эпоха прошла рашпилем. Потерт был его коричневый костюм старого хозяйственника, обшарпан полированный некогда стол, выбита до бурого корда переставшая быть ковровой дорожка, ворс которой при старом порядке торчал так начальственно и багрово. Пейзаж в оконном проеме гармонировал с интерьером: раздрызганные и просевшие на рессорах Икарусы заполняли половину огромного двора, бугристый асфальт в нефтяных пятнах отваливался пластами и ржавые остовы подпирали валящийся бетонный забор. Картина могла разжалобить реформатора и устыдить сборщика налогов.

– Ну что вы, друг дорогой, – печально сказал директор, – где же я вам возьму бочку тормозной жидкости. Мы и так еле шестьдесят процентов машин на маршруты выпускаем.

– Сто литров, – снизил требования Колчак, умножая теперь нужное количество всего на два (а пробы? а утечки?).

Директор вялой улыбкой уравнил сто, двести, один и тысячу как величины мнимые и отсутствующие в природе.

– Вы ленинградец? – спросил Колчак. – Петербуржец? – И, немного презирая себя, пустил фанфарной меди насчет чести города.

– Да, о да, конечно: чести у нас полные штаны, потому и денег нет.

– Но я же у вас не задаром прошу!

Старший помощник перешел к привычному и понятному торгу.

– Я вам могу со своей стороны дать пять человек на мм... скажем, на три дня для разных работ. Квалифицированные специалисты! Совершенно бесплатно.

– Представляю ваших специалистов. Нажрут и потащат все, что отвинчивается. Что я, матросов не видел. Тут свои люди без работы сидят, что вы.

– Даже обидно слышать...

– Чего ж обижаться. А солярки у вас нет? За пару тонн договорились бы. Помогите и вы городскому транспорту, а?

– Откуда ж солярка... товарищ директор... А вот могу дать сурика! Кузова суричить – по железу под грунт, это же краска вечно держать будет.

– Допустим, – осторожно отозвался директор. – А сколько?

– Килограммов сорок. А? Ну – отрываю от себя: сто. Кило за кило, добро?

– А еще что у вас есть? Резины-то нет, конечно?

– Посмотреть надо, – веско ответил Колчак, пытаясь припомнить, какие именно покрышки служат Авроре кранцами и насколько они вовсе лысые. – А вот еще искусственная кожа – на сиденья, а? У вас ведь вечно сиденья режут!

– Это какая? А цвет? В рулонах?

Рулон валялся у Кондрата в брезентовой кладовой, спертый в доке неизвестно кем еще во времена капремонта. Применения ему до сих пор не придумали.

Обмен совершился, и назавтра Колчак привез на газели симпатичный алюминиевый столитровый бочонок тормозной жидкости.

– Сидоровича ко мне!

Сидорович приполз влажный и помятый после растаскивания цепей.

– Держи. И – чтоб хватило!

Не успели скантовать бочку с палубы вниз – над ней насадкой вырос доктор Оленев, против обыкновения аккуратно застегнутый на все пуговицы по мягкому животу.

– Братцы! – проникновенно воззвал он с какой-то старорежимной отеческой заботливостью. – Всех предупреждаю – пить это нельзя! Понимаете? – нельзя! Полстакана – это слепота, отравление, отказ почек, смерть. Не вздумайте фильтровать через противогазную коробку – не помогает.

– Да ну за кого вы нас принимаете, товарищ старший лейтенант.

– Я вас принимаю за тех, кто вы есть. Христом-Богом молю – вата, марганцовка, сверло на больших оборотах и все эти прочие глупости и народные средства – не применять, все равно не поможет.

– А что поможет?..

– Я тебе покажу что поможет! Уж лучше шарашь сразу коктейль Т-80 – стакан холодной воды и молотком по голове. Пре-ду-пре-ждаю: отравленных лечить не буду, будут подыхать так.

– Оленев, – спросил Колчак, – а ты не можешь сразу добавить туда чего-нибудь ядовитого, чтоб исключить полностью применение внутрь?

– Чего? Только цианистого калия, так он в комплект корабельной аптеки не входит.

- Ну... зеленки...
- Зеленка на семидесятиградусном спирте, наши драконы ее очищают и пьют спокойно!..
- А что не пьют?
- Что не пьют, то грызут. Нюхают и колют. Сволочи.

8

Всеобщее шевеление на корабле приобретало ту бодрость, которая сообщается людям с началом работ: глаза боятся – руки делают. За работой начинал ощущаться некий еще неясный смысл – предвестие того знания конечной цели, следующего из сложения всех мелочей и возникающего как бы неизвестно откуда, которое есть дух и суть действия и являет себя неизбежно, о чем и предупреждал Ольховского Колчак. Любая секретность – утаивание шила в мешке, и чем позже ты обнаружишь в этом мешке себя самого, тем сильнее уколешься.

Испытанный Ольховским укол, вернее даже два укола, исказили его представление о реальности и ввергли в мистику. Необъяснимым феноменом было возникновение ударного механизма в баковом оружии и топлива в левой носовой цистерне. Объяснить это никто ему не сумел. Запахло высшими силами, паранормальными явлениями, материализацией воли и победой чуда над рассудком. Так сокрушается материалистическое мировоззрение. Похоже, кто-то там в астральных сферах брал на себя всю ответственность. Рука провидения дружески обнимала его за плечи и подпихивала по избранному пути. Он гипнотизировал и буравил зеркало, пока оно не уверило в потустороннем уверенном блеске глаз. Происходило осознание миссии и рождение вождя. (Рассудок конвульсивно сопротивлялся: хотелось выпить и одновременно хотелось сунуть голову под холодную воду, то есть протрезветь двумя противоположными способами сразу. Однако это помогло слабо: успокоило, но ничего не изменило.)

Если человек не может смириться с каким-то явлением внутри себя, он начинает бороться с аналогичным явлением снаружи: не сознание исправить, так хоть бытие, авось одно в другом отразится. И если поступки удаются, то (практика критерий истины) сознание постепенно уверяется, что с ним все в порядке. Оно очищается от сомнений, выбрасывая их наружу, вымещая вон и там разрешая в практическом порядке.

Испытывая потребность борьбы с любыми психическими ненормальностями, Ольховский вызвал доктора. Сестра не предложил. Старшему лейтенанту медицинской службы Оленеву был дан боевой приказ излечить от наркомании матроса Принсипа. Такую фамилию влачил по жизни наряду с прочими своими глупостями и несчастьями Груня.

– Месяц срока тебе! Больше времени нет! А то... разьелся!..

Оленев подивился неподдельной страсти приказа и вышел в коридор строевым шагом, больно ударившись ногой о комингс.

Груня отнесся к очередной напасти равнодушно: хрен с ними, пусть, работа у них такая. Но Оленев, которому была обещана аттестация по результатам эксперимента, въехал в задачу плотно.

Он отдраил иллюминатор, заварил чай, закинул ноги на стол и перелистал учебник наркологии. Теория не порадовала, а практика представилась просто беспросветной. Он плюнул в иллюминатор, поковырял в носу, втянул перед зеркалом живот, постучал ребром ладони о спинку кресла и, исчерпав все средства, разразился негодующим:

– Да что я им, Бехтерев, что ли!

Опрокинул чай и, промакивая стремительную лужу на столе пухлой газетой объявлений, автоматически зафиксировал взгляд на ее названии. Газета называлась Шанс, и купил ее доктор две недели назад в надежде обнаружить новый, эффективный и недорогой сжигатель жира. В нарочито-школьных завитках водянистых красных букв, вчетвером скомбинированных в слово шанс, было что-то мошенническое.

Доктор поцокал языком чему-то удачному в памяти и стал разъединять страницы, слипшиеся в кашу и расплзающиеся. На втором развороте открылась реклама Центра доктора Калашникова, который, были в городе такие слухи, вроде и вправду возвращал в строй нарков и алкашей удачнее всех прочих.

Сдать Груню на курс лечения в клинику доктора медицинских наук и профессора Калашникова возможным не представлялось. Во-первых, случай был сравнительно легкий, не смертельный, да и Груня не брат родной, и тыкаться туда с этим было неловко. Во-вторых, и этого было достаточно, центр брал за свои услуги деньги, пусть смешные по мировым расценкам, но ни по каким расценкам ВМФ не в состоянии лечить прибабахы своего контингента – только средствами военно-морской медицины или же в порядке благотворительности.

Замысел потащил его, как рвущая поводок собака. Телефонный номер был занят, провалился он попытки с двадцатой.

– Приемная профессора Калашникова, – ответил женский голос, соответствующий представлению о сестре именно милосердия.

– Это вас беспокоят из медицинского управления Военно-Морского флота, – представился Оленев, осяживая голос на нижний, басовый регистр. – Здравствуйте, коллеги. Могу ли я поговорить с профессором?

– Профессор сейчас занят. Подождите, пожалуйста...

Через час он входил в подъезд напротив узкого темнокирпичного костела в Ковенском переулке. О демократичном подходе к клиентам можно было сделать вывод по разномастности плотно припаркованных машин, где трогательная в своей аккуратненькой бедности пластмассовая Ока лепилась к огромному квадратному Хаммеру, как ягненок к тиранозавру во время райского (или наркотического, чем не одно и то же) перемирия. Клиника занимала половину первого этажа и была снабжена закамуфлированной под нежное дерево мощнейшей бронированной дверью, мало уступавшей люку боевой рубки Авроры.

Увидев Калашникова, Оленев понял, почему не был до конца убежден в собственном медицинском призвании. Профессор обладал тем, чему нельзя научиться: способностью поднимать настроение самим своим присутствием. Бывают такие врачи: посмотришь – и сразу легче, вроде не так все и плохо. От высокой фигуры, худого ироничного лица, ехидно-добрых глазок исходила энергетика, самонастраивающаяся в унисон дергам пациента и гасящая их со спокойствием; что-то в этом было от подкачки колеса или анестезии веселящим газом.

Калашников опустил в кабинете жалюзи и придвинул гостю жестянку тонких голландских сигар.

– В общем, извините, я насвистел насчет управления флота, – начал Оленев и, поощряемый кивками, изложил свою проблему.

– Элементарно, – подытожил веселым баритоном Калашников с тем видом, что жизнь смешна, легка и хороша. – Мой метод опубликован, так что секрета из нашего лечения мы не делаем. Для наглядности приглашаю вас, как коллегу, перед которым встала та же задача, присутствовать при процедуре.

Через полчаса удивленный простотой методики Оленев почувствовал себя в положении зрителя, которому фокусник раскрыл секрет распиливания ассистентки пополам.

– И каков процент... успеха?

– Как всегда – зависит от многого. Но в общем – намного выше пятидесяти. До восьмидесяти-восьмидесяти пяти, я бы не побоялся сказать.

Оленеву неудобно было спросить, почему же так не лечат все – при столь небывалом проценте выздоровлений. Ответ он получил и без вопроса:

– Здесь очень много и главное зависит от личности врача. А кроме того, на устаревших и неэффективных, но общепринятых методиках люди делают карьеры и деньги: посты, звания, поездки. Кто ж распишется в том, что конкурент лучше лечит. Как везде, все обычно.

– А... одну ампулу... можно у вас купить?

– Простите, но – соблюдение закона от нас требуется скрупулезнейшее. Сами понимаете, с кем мы работаем и чем это пахнет...

Ясное дело. От школьников и путан до банкиров и бандитских авторитетов. И никогда не знаешь, кто стукнет. В сущности, Оленев ему не знаком.

– Лицензии и вообще официального права на эти вещи у вас нет. Поэтому я даже не даю вам совета, заметьте. Но дружески и как с коллегой могу поделиться информацией. Кетамин может быть у гинекологов и ветеринаров, у них это обычное средство. В аптеке вам не продадут, даже если найдете.

Наутро Оленев освободил Груню от работ и запер в изоляторе. Загнал в душ и выдал лазаретную пижаму. Завтрак и обед ему принес вестовой. Груне было приказано лежать в койке и читать книгу Поля де Крюи Борьба с безумием. Сигарет его лишили. Все это входило в предварительную психологическую подготовку – чтоб проникся серьезностью предстоящего и задумался. У психологически не готового жлоба эффекта может не быть, предупредил профессор. А как еще готовить – Оленев не знал, тут он действовал по разумению и наитию.

В семнадцать ноль-ноль он приступил. Для полной безопасности и нагнетания обстановки он добросовестно измерил Груне давление и посчитал пульс. Груня был здоров, как лошадь, на которой можно возить воду, если давать иногда лошади подкурить. Он лежал и с чуть тревожным интересом ожидал продолжения, отвлекая себя речью в защиту травки, которая во многих странах вообще разрешена и кроме пользы ничего не приносит.

– Помолчи, – приказал Оленев и отломил головку ампулы. Прищурил глаз и втянул в шприц полкубика. Он волновался.

– Это что? – спросил Груня, кося глазом.

– Прекрасный препарат... – с ласковостью вивисектора прокомментировал Оленев, аккуратно попадая иглой в локтевую вену и медленно, с паузами подавая поршень. Груня следил с любопытством.

– Ого! – сказал он. – Приход на кончике иглы, доктор.

Больше он ничего не говорил, потому что в теле обнаружилось тихое и вибрирующее моторное гудение, стена изолятора оказалась дальше и выше, лицо Оленева прорисовалось необыкновенно четко и нависло по дуге, как торшер, а его ладонь, приятно теплая, легла ему на лицо, закрыв глаза, и он не столько услышал, сколько понял голос:

– Закрой глаза и лежи спокойно.

Тело Груни перестало быть, и бесплотная субстанция, которая была им, оставаясь на месте, но чуть выше топчана, приняла легкое движение вперед ногами и несколько вверх. Движение нельзя было назвать полетом – это было просто перемещение в неоощуемом пространстве.

Призрак изолятора в тающей памяти округло раздвигался, как бесконечно надуваемый мыльный пузырь, эта округлость удлинилась косо вверх бесконечным тоннелем, плавная поверхность которого подсвечивалась мрачноватым фиолетовым светом, в котором было что-то от камзола средневекового рыцаря, и была фасетчатой, как чешуя кедровой шишки. В конце тоннеля обещало себя косматое бело-синее сияние космических солнц. Летящее восхождение по тоннелю было незаметно-медленным, но сияние приближалось непостижимо быстро, и по исчезновении тоннеля Груня начал рассеиваться, как облачко, в не имеющем пределов просторе. Простор представлял собой необыкновенной красоты синий тысячекилометровый водопад, в котором было нечто общее со сказочным и гигантским готическим замком. Это вселяло необыкновенный восторг и подъем.

В это время в изоляторе Оленев над ним напряженно орал:

– Ты летишь в небе! Ты паришь! Тебе хорошо! Легко! – В первую очередь он старался своими словами убедить себя самого, и чтоб это убеждение перетекло из его живота, груди и головы через руки в пациента. – Чудесно! Тебе никогда не было так хорошо!

Груня пребывал в блаженстве сотни лет. Это было всемогущее блаженство. Он вел серебряный звездолет через туманность Андромеды и был им и одновременно его командиром.

– Точка! – криком артиллерийского корректировщика надсаживался Оленев. – Появилась черная точка! Ты пытаешься отвернуть, но не можешь! Она закрыла полнеба! Это дурь! трава! анаша! конопля! Ты врезаешься в нее, это муки, ты умираешь!!!

У Груни перехватило дыхание от ужаса. Стремительное падение продолжалось вечно. Черная точка росла внизу, она распадалась на отдельные квадратики и сегменты, которые в приближении оказались буро-красными, как кровь или как кирпич, а границы между ними – черными. Ядро этой бывшей точки обросло зубчатой стеной с острыми башнями, игольчатые шпильки угрожали пятиконечными красными звездами, и золотой двуглавый орел, блестящий, как инструмент хирурга и палача, терзал ему печень.

В экстазе отчаяния Груня рванул шнур бакового орудия, Кремль взорвался и похоронил его под невыносимо давящим курганом обломков.

Он еле слышно простонал.

Оленев в энтузиазме удвоил усилия.

– Стоп! Все! Ты дышишь! Ты летишь! Хорошо, великолепно! Это продолжается тысячи лет! И ты начинаешь падать!!!

Сеанс продолжался в течение семи оборотов секундной стрелки на циферблате в белой переборке изолятора. Цикл вечности и смерти повторился четырежды. При последнем добрый доктор, вскрывший его незащитное подсознание этой сывороткой правды, беспощадным внушением всаживал в него счастье наслаждаться жизнью на Авроре и ужас нескончаемых адских мук при любом контакте с анашой.

Эта Грунина Аврора была отпрессована из стодолларовых бумажек и укомплектована экипажем обнаженных плейбоевских красавиц. Кремль был тоже отпрессован, но уже из плохой анаши, как брикет пайковой гречневой каши. Остроконечный нос крейсера сминался и портился об крепостную стену, и задача состояла в том, чтобы успеть прострелить в ней проход по курсу движения, пока стены не сомкнулись над ним саркофагом, огромным и тяжким в своей вечности, как пирамида Хеопса.

Сверившись с часами и вздохнув, Оленев командовал голосом командира расстрельного взвода, одним решительным и милосердным ударом рубящего хвост жизни приговоренному:

– Все! Ничего не помнишь! Ни-че-го не помнишь!.. Проснулся! Проснулся.

Выдохнув и стерев пот, он внимательно смотрел, как пациент медленно открывает глаза. Груню плавно увлекало боковое вращение, воздух вокруг него имел форму горизонтально расположенной трубы и ускользающе поворачивался против часовой стрелки.

– Будет сначала немного кружиться голова, но это пройдет, – пообещал Оленев то, что пообещали ему на консультации.

Когда через пятнадцать минут, переоблачившись в робу, Груня наклонился зашнуровать прогары, его немного замутило. Он покинул изолятор вежливо и независимо, но в коридоре шатнулся.

Оленев же, под впечатлением от себя, заварил чай, но пить не стал, подпершись рукой в позе раздумчивости. Раздумчивость носила двоякий характер: личный и общественный.

С точки зрения общественной – можно ведь всему личному составу ВМФ проводить такую медикаментозно-комбинированную психотерапию с целью внушения абсолютной дисциплины, рвения, запретов на самоходы, счастья выполнять приказ и так далее. Последствия виделись неисчислимы: идеальные матросы без страха и упрека под управлением идеальных офицеров, которые счастливы исполнением любого приказа командования. Пахло кандидатской, докторской, кафедрой в академии и местом заместителя начальника Главного медицинского управления флота. Да что флот – всю Россию можно так обеспечить! Не пить! Не курить! Преступлений не совершать! Трудиться! Ничего не просить! И никакой лоботомии – элементарное внедрение в подсознание при снятии кетamiном всяких защитных заслонок с него. Боже... как просто! и доступно.

– Суки, – с тяжелой ненавистью проговорил Оленев. – Это ведь надо до чего додумались! Хрен вам всем! Мы еще повоюем, бля! Вам ведь только в руки чего дай!..

Но перспективы личного характера были прекрасны. Внушение безграничного доверия и любви к себе красивым девушкам, банкирам и политическому руководству страны. Миллионы и слава.

И тут его полоснула мысль, несерьезная в силу своей исчезающе малой вероятности, но очень уж жуткая в принципе.

Он побежал во второй кубрик. Груня сидел на рундуке и глубоко дышал, прислушиваясь к организму. Оленев вернул его в изолятор, усадил и стал расспрашивать:

– Что ты помнишь? Спокойно, внимательно, припомни все и постарайся восстановить очень подробно. Это очень важно.

С момента приближения к вылету из тоннеля и до пробуждения на топчане Груня не помнил решительно ничего. Постаравшись и даже замычав, он выдавил наверх розовато-влажный эмбрион в форме двух сложенных пельменем черепаховых панцирей, которым он какой-то миг был, и еще какую-то толпу красных флагов на берегу реки, непонятно чем и непонятно почему связанных с Кремлем и одновременно с Авророй. Дальнейшее, как выразился классик, молчанье.

– Что-то не так, доктор?.. – неуверенно спросил он.

– Все так. Свободен! Все отлично, – Оленев шлепнул его по спине, ощутив четки позвоночника под тонкой постиранной тканью.

Но еще полчаса крыша у него была на легком сдвиге. Конечно, все это фантастика, ерунда, бред, но... Если при помощи элементарного кетамина и обычного вышесреднего врача (слово вышесредний он мысленно произнес с удовольствием) достигим и даже в подавляющем большинстве случаев гарантирован эффект стойкого внушения, которого человек не помнит... но следует ему... то есть корректируется психика личности в заданном направлении... то... то?.. А что, если это всем и делается? Раз это технически возможно и просто? Если всем внушено выполнение законов, указов и приказов? А неконформисты – это просто малый процент лечебного брака? И всем внушено забыть о внушении, а только следовать ему? Короче – поголовное зомбирование сегодня – не утопия, а реальность, и с этой реальностью не считаться – глупо.

Он вспомнил детский анекдот про страуса: надпись в зоопарке: Не пугайте страуса! В клетке бетонный пол!

– Я вам покажу страуса! – тяжело пообещал он им – туда, в неопределенный и объемистый, как облако Саваофа, верх. – Вот кого – огнем и мечом... ну гады.

Он содрал свою же печать с бутылки со спиртом, выпил полстакана, и когда докурил сигарету, все уже прошло.

Во сне его достала следующая кошмарная мысль: если в России все пьют, то?.. Кто же тот ДОКТОР?..

9

- Без чего корабль не может идти?
- Без всего не может.
- А в первую очередь?
- И в первую очередь без всего не может, и во вторую, – упорствовал Мознаим, с болью думая про обнаруженный мазут и уже раскрытую тайну его появления: как теперь продашь?..
- Без винтов, Виталий! Возражения есть?
- С вами трудно спорить, товарищ капитан первого ранга.
- Доложите ваши соображения.
- Да пара пустых.
- А именно?
- Наше водоизмещение грубо шесть тысяч тонн.
- С тобой тоже трудно спорить.
- А проектная скорость девятнадцать узлов.
- И что из этого следует? – не понял Ольховский.
- А следует из этого то, что с увеличением скорости сопротивление среды и, пропорционально, мощность возрастают в кубической прогрессии.
- И что? Физику я тоже читал.
- С уменьшением скорости в три раза потребная мощность уменьшается в двадцать семь раз. Грубо: шесть узлов теоретически можно дать на одном котле из двадцати четырех, которые на Авроре стояли когда-то. У нас после ремонта сохранились два – для вида. На двух котлах, перебрав их и доведя до сорока процентов проектного давления, мы можем идти на пяти узлах спокойно.
- Ой ли? – усомнился Колчак, не в силах довериться оптимизму столь наивной математики. – Эдак ты докажешь, что мы на веслах можем идти.
- Мознаим выкатил грудку. Приятно чувствовать себя умнее и значительнее двух каперангов, один из которых недавно командовал ударным авианосцем; Колчаку нравилось, если в разговоре Москву называли именно так.
- Пара сотен римских рабов – и пошли бы на веслах, – заверил он. – Подумаешь, шесть тысяч тонн. Да у Волго-Донов пять. А обводы у нас лучше. С их машиной мы б их сделали только так!
- Рабы-то, положим, свои найдутся... а гонки нам не нужны.
- Я и говорю. Нам нужен винт от пятитысячника. И на нем пойдем со свистом.
- А без свиста?
- А без свиста – от трехтысячника тоже хватит, чтоб уж узла-то четыре с половиной выжать. Все-таки ход! Согласны?
- Нет.
- Почему?
- Нам нужны два винта.
- Да зачем нам обязательно два, Петр Ильич?
- От вопроса столь непрофессионального Ольховский поморщился.
- Потому что без трех мы обойдемся, – язвительно заверил он. – Все равно силовых установок на три не хватит. А один не дает возможности маневра машинами, на таком ходу в реке одним рулем не обойдешься, еле слушаться будет, ты что, не понимаешь? А на Неве встречное течение будь здоров.

Мознаим посопел и продолжил:

– Ну, подходящих винтов в любом судоремонте полно. Хоть на Адмиралтейском, хоть на Балтийском.

– А лучше всего было бы на николаевских верфях, – вздохнул Колчак. – На Украине все дешевле, договорились бы как нефиг делать.

При слове Украина всем представились акации, сало, пыльный теплый вечер и баснословная дешевизна.

– Машина, перевозка, таможня, поборы, – перечислил Мознаим. – Не получается.

– А как ставить будешь?

– Да в тех малявках тонны не будет. На лебедке спустим. А водолазов в портослужбе возьмем.

...На Адмиралтейский командир взял машину. Все-таки унинительно каперангу при форме давиться и трястись в трамвае. На переговоры надо являться, чувствуя себя человеком. Пересекая город в машине, ты отдыхаешь под защитой обособленного микромира, даже застряв в пробке. Общественный транспорт размалывает и заражает чужой усталостью, дорога утомляет хуже дела.

Пропуск ему был выписан. Жестокий прежде режим секретности оборонного предприятия заметно ослаб: когда-то потребовали б допуск с Литейного, хотя и шел он только в административный корпус.

Как человек бывалый, Ольховский не стал по мелочи морочить голову генеральному директору этой махины, сговорившись по телефону о встрече с замом, ведавшим матобеспечением ремонтной базы.

Лысый тонкий человек с нездоровым цветом лица, какой бывает у язвенников, не подавая руки кивнул ему на стул у длинного стола для совещаний. Стол был украшен российским флажком. Солнечные ромбы ползли по просторному кабинету.

– Винты решили ставить на Аврору, – радостно оповестил Ольховский, задавая глиссирующий темп беседы, чтоб проскочить над неприятными подводными рифами.

– Ну, прекрасно, – ровно откликнулся зам.

– Решили обратиться к вам.

– Какие ставить будете?

– Думаем ста десятью сантиметрами ограничиться. Шаг ноль три.

– А что так? Не мало ли?

– А хватит. Нам на них мерную милю не ходить.

– Три?

– Два.

– А что так?

– А из скромности.

– Ограничены во всех возможностях?

– Не без того. Время... Вы правильно понимаете.

– Ну хорошо. Заказ от управления снабжения флота у вас есть?

– С заказом пока чуть сложнее, – беззаботно улыбнулся Ольховский, показывая улыбкой, что это – незначительные мелочи. – Хозспособом восстанавливаемся.

– А кто платить будет? Если заказа нет?

– Я вам пишу гарантийное письмо, указываю наш субсчет в банке, печать, все по форме.

– Товарищ командир, дорогой мой, – ласково отмерил сочувствия зам и сказал в трубку секретарше подать кофе. – И что мы получим с вашего субсчета? Вы сами за какой месяц последний зарплату получили? Не могу и не имею права, и не надо меня жалобить. Сами на картотеке сидим.

На этот вариант также имелась домашняя заготовка. Ольховский трагически отодвинул чашку, поданную секретаршей с роскошной косой до попы. Швырнул на стол бумажник, часы

и обручальное кольцо – так в драмах швыряли шапку оземь и ставили на ребро последний рубль и на кон – нателный крест. Встал в позу памятника Маяковскому и двинул речь. Он пел и плакал о славе русского флота и часе позора.

Зам твердо и точно вошел в паузу, сделанную для очередного вдоха:

– Тебе в думе или в театре цены не будет. Просто лауреат самодеятельности. Ария Каварадосси. Или Квазимодо? Я всегда путал.

– Бери все, что есть!.. – воззвал Ольховский. – Ну оформи шефскую помощь, будь человеком. Не для себя прошу! Ты сам хоть раз в море ходил? Ты что кончал?

Голос лысого зама был ровен и тих, как полет совы.

– Все – не для себя просят, – сказал он. – А кончал я севастопольский подплав. В семидесятом. Инженер-механик по силовым установкам. Еще вопросы будут?

– Бомбовозы, что ли? – кивнул Ольховский на его бликующий кегельный шар.

– Северодвинск, – кратко подтвердил зам.

– Контур потек?

– Примерно. Правильно мыслишь.

Ольховский мыслил правильно, и именно подобного момента дожидалась в боковом кармане плоская стеклянная фляжка расхожего виски Джонни Уокер.

– Кап-два?

– Так точно.

– Выпей со мной, кавторанг, – сказал Ольховский и выставил бутылку.

– Сволочи вы все, – откликнулся зам и достал из стенной панели две рюмки, полкоробки конфет и нарезанный лимон. – Со всеми пить – никакой печени не хватит.

– Алкогольная щетка полезна для вывода радиации из организма.

– Моей щеткой уже можно сапоги чистить.

Они выпили и пожаловались друг другу на жизнь – не унижаясь до слов, жестов и взглядов, – а так, через позу и общее выражение лица. Ритуал выпивки успешно заменяет самые душераздирающие монологи.

– Пару винтов отдал бы тебе за так, – сказал зам. – Уж для Авроры-то – святое дело. Что я, не моряк, что ли, или не ленинградец. Не могу, поверь.

– Почему?

– Потому что это бронза. Цветной металл. А он весь на учете.

– Мне тебя учить? На учете...

– Ты не понял. Здесь не формальный учет, а по жизни.

– То есть?

– Ты знаешь, кто в Питере контролирует весь цветной металл?

– Не понял. – Ольховский проанализировал текущий момент и слегка не поверил общеизвестному:

– Бандиты, что ли? Вас?

– Ну... можно сказать и так. А вообще – серьезные люди. И если завтра две тонны бронзы у меня уйдут неизвестно куда, то очень скоро вежливый человек сообщит мне сегодняшнюю цену на бронзу, стоимость этих двух винтов и сумму, которую я должен ему уплатить, включая проценты. Проценты представляешь?

– Ты с ума сошел. Не круто ли? Вы – оборонное предприятие!

– Не смейся. Ты где живешь? На своем революционном крейсере? На берег-то часто сходишь? Здесь серьезные деньги ходят. Так что – наливай. И доставай заказ от флота. Или плати налом – тогда без проблем.

Ольховский выпил и двинул свои мысли в ином направлении – по прямой в лоб преграде.

– Кто это тебя рэкетирует? – спросил он. – ФСБ с бандюками разобраться не может, или снизу доверху взаимовыгодное сотруничество?

– Вот только не суйся. Я тебе ничего не говорил.

– Ну назови группировку. Тамбовские?

– Не суйся, мужик, – повторил лысый зам и цыкнул углом губ. Губы у него были подогнаны плотно, как кирпичи.

Поскольку бандиты давно стали восприниматься такой же естественной составляющей нашей жизни, как дождливая погода, старость или банковская система, то известие Ольховского не смутило. Вряд ли договориться с бандитами труднее, чем с начальством. Все мы люди. И встреча с ними наверняка не столь опасна, как, скажем, в бою с предполагаемым противником, а ведь к такой встрече военного готовят с первого дня службы.

Первый шаг оказался легок и прост сверх ожидания: непосредственно у метро он купил с лотка удивительную по откровенности книгу Бандитский Петербург. Доступность подобного справочника поразила моряка: тираж был указан массовый. Напрашивалась мысль, что бандиты столь же нуждаются в рекламе, сколько потенциальные покупатели – в сведениях о них. Происходила явная легализация профессии не только в общественном сознании, но и на товарном рынке.

Полистав справочник и почерпнув массу полезной и увлекательной информации, Ольховский поехал в гостиницу Пулковская. Книга утверждала, что петербургские бандиты предпочитают проводить время в ресторане именно этой гостиницы. Очевидно, там у них гнездо.

Прибыв, он уверился, что автор ценного пособия журналист Константинов – не сочинитель, но документалист. Неширокий проезд, затененный тополями, был плотно заставлен машинами, среди которых преобладали две характерные марки: БМВ цвета мокрый асфальт и джипы гранд чероки, глубокая зелень которых отливала той самой искомой бронзой. Здесь же скособоченно приткнулась, въехав двумя колесами на нижнюю ступень входа, альфа-ромео, раскрашенная в желто-блакитную канарейку, при ней казенно стоял милицейский майор и с вялостью зудел в матюгальник:

– Господа бандиты. Освободите, пожалуйста, проезд для транспорта.

После повторного призыва из стеклянных дверей появился браток, продолжительно и пусто посмотрел с крыльца вниз и скрылся. Выждав, власть возобновила серенаду.

Через приличествующее время спустились двое ребят в свободных черных брюках и великоватых пиджаках.

– Ну что ты тоже – бандиты, – с неодобрением заметил майору один; и они перепарковали свои джипы прямо на газон, освободив центр асфальтовой дорожки.

Ну-ну, сказал себе Ольховский и поднялся по ступеням.

В холле внимательно скучала секьюрити, в своей явно дорогой униформе при галстуках выглядящая приятно так, как может быть приятен уголовник, готовый дружески взять тебя под свою защиту.

– Здесь мероприятие, – без выражения сказал орел белоголовый с плечами шестьдесят четвертого размера; у него были очень крупные и по-мужски красивые татуированные руки. – Зал зарезервирован.

– Знаю, – сказал Ольховский. – Мне надо решить вопрос.

– Какой вопрос? Мы никаких вопросов не решаем.

– Ребята, – сказал Ольховский. – Господа, товарищи, братки, пацаны, охрана. Выберите сами любое обращение. Я с Авроры. У меня очень мелкий вопрос насчет двух тонн бронзы.

Ребята немного улыбнулись свысока.

– Мужчина, я не понимаю, о чем вы говорите, – отчужденно ответил оплывший крепышок с мятыми свиными ушками борца-классика.

Ни один из троицы не сдвинулся с места, но невидимая преграда поперек вестибюля была явственней дубового прилавка.

Ольховский прибавил оборотов и положил руля прямо по фарватеру.

– Вот тут написано, – вытащил он из кармана книжку, – что цветмет контролируют тамбовские. Мне нужен кто-нибудь из руководства группировки.

Если столь неслыханная наивность и несуразная прямота фраера в погонах и развлекли охрану, то видом она этого никак не выказала.

– С такими вопросами – к автору книги, – посоветовал борец.

Ольховский покраснел от унижения. Он быстро отшагнул к стене, впаялся в кресло и кинул ногу на ногу.

– Я – командир крейсера Аврора капитан первого ранга Ольховский, – лязгнув челюстью, доложил он так, как докладывают зарвавшимся адъютантам перед начальственной дверью. – И речь о моих винтах! Винтах крейсера, – уточнил он, делая поправку на сухопутную тупость и готовый к ярости при возможном гоготанье. – И вопрос отлагательства не терпит. Не доложите кому надо – выйду на встречу иначе, но тогда ответственность будет на вас.

Подобно всем подчиненным, бандиты тоже не хотят брать на себя ответственность перед начальством.

После минутной отлучки борец проводил его ко входу в зал (мгновенно обыскав легкими касаниями) и кивнул в глубину:

– Второй столик, у стены.

За бутылкой Абсолюта и салатницей с миногами сидели двое очень приличного вида мужчин под сорок. Носатый был поджар и подтянут, как стайер, хлопковая синяя курточка свободно висела на нем. Второй был мордаст, густоволос и напоминал певца Расторгуева, этот был в темно-оливковом двубортном костюме и табачном галстуке в тон.

– Присаживайтесь, – пригласил носатый и по-хорошему улыбнулся. – Расскажите, что у вас. Только представьтесь, пожалуйста.

Он мельком взглянул в удостоверение Ольховского и кивнул соседу.

– Господа, – сказал Ольховский. – Я знаю, что вы серьезные люди. Дело такое. Городу и флоту нужно ваше понимание.

Носатый стайер улыбнулся еще раз, и его лицо собралось в тонкие морщинки, став веселым и умным. Он сделался похож на спортивного такого доктора физико-математических наук, и Ольховский бы немало удивился, узнав, что он и писал докторскую, когда новая эпоха запела новые песни и призвала его к новым подвигам.

– Рюмку выпьете? – спросил мордастый, и Ольховский оценил аптечную дозировку интонаций: можно было с равной легкостью согласиться или отказаться, это был акт вежливости, который ничего не менял в отношениях, ничего не приближая, как отказ выпить ничего бы не отдалил.

– Спасибо, – отвечал он в утвердительном смысле.

Чоканье не производилось.

Ольховский закусил не раньше, чем было предложено, и кратко изложил суть, ни словом не упомянув разговор с лысым замом.

– Кто конкретно вам мог бы помочь?

– Адмиралтейский завод.

Миг совещания его собеседников был незаметен, если был вообще.

– Ну, это такая мелочь, – прокомментировал мордастый, и в голосе его Ольховский попытался уловить не то сочувствие, не то укоризну.

– Делайте спокойно ваш ремонт, – сказал математик.

От второй рюмки Ольховский отказался, показывая, что ценит чужое время и правильно понимает гостеприимность жеста. Он поблагодарил и коротко попрощался.

– Желаю успеха, – проводил его фразой математик.

Мордастый уже смотрел мимо.

Не взглянула на него и секьюрити.

Он неторопливо и деловито двинулся в сторону автобусной остановки, всем видом показывая и даже играя перед самим собой, что идет пешком не потому, что у него нет машины вроде оставшихся за спиной у гостиницы, а потому что неограничен в любых своих действиях и предпочитает прогуливаться пешком.

Отойдя на хорошее расстояние, он сказал:

– Ну, твою же мать!.. – покрутил головой и сплюнул.

10

Как по мере роста знания открывается до бесконечности смежная область еще не знаемого – так с ходом корабельных работ вырастал до нереального объем всего того, что требовалось сделать. Мознаим впал в коматозное состояние.

– Хочешь увидеть лицо Сизифа, оглушенного своим камнем? – шепнул Беспятых доктору за четырехчасовым чаем в кают-компании.

Мознаим очнулся оттого, что горечь жизни стала нестерпимой и достигла чисто физического ощущения. Он допил чай и прислушался к желудку. Желудок ответил конвульсивной попыткой вывернуть себя через пищевод. В стакане были размешаны две ложки соли: Акела промахнулся.

– Не горько, Виталий Николаевич? – посочувствовал Беспятых.

– Это вы для очищения организма? – поинтересовался доктор.

Кают-компания захохотала. Мознаим обиделся и вышел. Вбалтывание при ходьбе послужило катализатором реакции, он впрыгнул в галюнь и хлынул верхом и низом, как если бы проглотил огнетушитель. Организм действительно очистился: голова стала ясной. Это была ясность смертного приговора.

Этот приговор он попытался опротестовать у командира.

– Нужна хотя бы одна кормовая пародинамомашина, – рыдал он. А где я возьму новые паропроводы для высокого давления? Их из водопроводных труб не сварить!

Музыкальное ухо могло обнаружить в его плаче мелодическую полифонию, он был построен подобно симфонии в четырех частях, и тональность всех четырех была исключительно ре-минор. Менялись лишь скорость и сила от форте до пианиссимо. Бессердечно развлекаясь, Ольховский прервал эту филармонию практическим вопросом:

– Сколько тебе надо?

– Чего? – остановил Мознаим пиление безумного смычка.

– Людей и денег.

– Это работа для дока! Для судоремонтного завода!

В дверь вежливо постучали.

– Кто еще? – заорал Ольховский.

И вошли именно те, кем он только что интересовался: люди и деньги. Первые были представлены старпомом и старшиной второй статьи Бубновым, и хотя невысокий старпом пихал его рукой в загривок чуть даже снизу, впечатление от композиции возникало, как если бы кошка тащила в зубах за шиворот поджавшего лапки котенка. Деньги же содержались в фанерном ящике со знакомой нам надписью На реставрацию музея крейсера Аврора, каковой ящик был извлечен из пакета, загадочно улыбающегося лицом Моны Лизы и сердечно извиняющегося Sorry, Leonardo.

– Сори, понимаешь?! – спросил Колчак, вытряхивая на стол веер бумажек и ручей рублевых монет.

Вид денег был в принципе приятен, но их мелкость выглядела оскорбительной. Ольховский потребовал объяснений.

– Еду мимо метро, – задыхался от негодования Колчак. – Смотрю – кто! Стоит! Этот сучонок сшибал деньги у метро! Можете почитать, под каким соусом! А от самого разит! Нет, это ж надо додуматься!..

– Товарищ командир, разрешите обратиться! – отчаянно воззвал Шурка, проклиная свое невезение: он действительно врезал в разливе двести под бутерброд, давно сделав наблюдение, что под выпивкой время летит быстрее и тем самым процесс заработка субъективно ускоряется.

– Не команда революционного крейсера, а жулье-с! Побирухи!
– Боже! – обратился Ольховский, стремясь излить в одной фразе все, чем мучила его окружающая действительность: – Когда матросы столичного гарнизона начинают просить милостыню на панели – державу уже ничто не спасет!

– Спас-сет! – пообещал Колчак.

– Спасет! – стремительно возразил Шурка. – Это не милостыня!

– Лепта, подавание, улов, хабар! – выстрелил очередь синонимов Колчак.

– Это сбор средств! – объявил Шурка, поддавая вибрирующих модуляций, по смыслу соответствующих разрыванию тельняшки на груди. – Как бывало – подписка населения на новый истребитель! или броненосец!

– О, где бы взять приличного истребителя на вас на всех!..

Но по дороге от метро Шурка успел продумать линию защиты. От страха выдумка дозрела до правды.

– Это же для Авроры! За кого вы меня принимаете! Нам же нужны деньги! ремонтные работы! хозспособом! ударники для пушек!

– Дисбат!!!

– Ударники для орудий! где взять! а еще снаряды! элеваторы!

– Ударник коммунистического труда! В зад и в глотку! В дисбат!!! Какие еще на хрен ударники?! попрошайка, хам... мошенник!

Шурка прибег к бессмертной системе Станиславского: умер от оскорбления.

– Расстреливайте, – сказал он. – Я пошел для корабля на это, что, не унижение?.. и вы после этого...

– Одну минуту, – подал голос забытый на диванчике Мознаим. – Ты хочешь сказать, что ударник бакового орудия – твоя работа, что ли?

– А чья еще?

Произошло молчание. Ольховский осознавал столь простое объяснение чуда, беспокоившего его, но и вдохновлявшего, и не мог так сразу смириться. Мознаим соображал, не воспользоваться ли подходящей обстановкой к своей пользе и раскрыть происхождение мазута, но решил пока воздержаться. Колчак же детально вообразил последующие действия реставратора, учитывая его реплику о снарядах, и пожелтел. По направлению и углу возвышения ствола бакового орудия снаряду полагалось вмазать куда-нибудь по Московскому вокзалу и площади Восстания – и символика тут ни при чем, голая баллистика.

– Почему не доложил? – трибунальским голосом просвистел он. – Почему самостоятельность?..

– Стеснялся... – бессмысленно ляпнул Шурка.

– Чего стеснялся?!

– Хотел проверить...

– Что?! Что проверить, кретин?! Уебище, ты же debil!

– Думал, сюрприз...

Ольховский истерически рассмеялся.

– О Господи, – вытер он слезы. – Списать тебя, что ли...

– Товарищ капитан первого ранга! Не надо!

– А пил зачем, болван? Братался с народом?

– Для храбрости... от стыда... – с исключительной искренностью сказал Шурка.

– До принятия окончательного решения – под арест. Скажи дежурному, чтобы запер тебя в носовом артогребе. Нет! Лучше в кормовом... от греха подальше.

Денег на столе оказалось сто шестьдесят два рубля семьдесят копеек, две финских марки, одна немецкая, один английский фунт и один монгольский тугрик, который можно было не считать.

– Подписка на броненосец, говорите... – прищурился Ольховский. – Будем считать, что здесь десять долларов. Один человек, тридцать дней – это триста долларов в месяц. Ничего, да?

– Ни хрена себе, – сказал Мознаим.

– Умножить на двадцать человек – это шесть тысяч баксов в месяц!

– Не может быть!.. – сказал Мознаим.

– Да вы тут помешались на арифметике, – сказал Колчак.

– Спокойно, – сказал Ольховский и опустил артистически растопыренные пальцы на стол, как на клавиатуру. – Значит, так. Виталик, вот тебе столтник, сбегай возьми бутылку и закусь. По дороге боцмана отправь ко мне!

Преступление и наказание сочетались в традиционной русской пропорции. Изобретатель и инициатор сидел под арестом, радуясь, что легко отделался, а намеревающиеся использовать его открытие гонители пили в комфорте на его деньги и обсуждали, как развить полезное начинание.

Боцман получил приказ обеспечить к утру изготовление двадцати ящиков по данному образцу.

– На борту остаются кок, вахтенный у трапа и вестовой, – резюмировал Ольховский. – Остальных матросов – в город! Это сколько – семнадцать? И пару мичманов.

Ящики решили снабдить замками, а матросам при них – запретить пить под страхом повешения на реях.

– Товарищи офицеры – за успех!

Колчак съездил в книжный и купил план города.

– Отмечай: у Дома книги, у Эрмитажа, Московский вокзал, Витебский, Финляндский, Балтийский, у Гостиного, метро Парк Победы, Техноложка, так – Кузнечный рынок, Сенной...

Городской пейзаж украсился и обогатился свежим оттенком нарядной военно-морской ноты, органично растворившейся в движении толп. Матросы были в отутюженном параде и снабжены командировочными предписаниями – претензий не предъявляли ни комендантские патрули, ни милиция, ни бандиты: дело служивое. Что может быть естественнее на сегодняшних улицах, полных беженцев, переселенцев, погорельцев, защитников животных и инвалидов всех войн от Цусимы до Чечни.

Чтоб служба медом не казалась, им был определен план: пятнадцать баксов за смену. За невыполнением следовал втык и угроза дисциплинарных взысканий. Колчак на своих жигулях объезжал город, контролируя наличие на постах.

Однако металлическая мелочь на пиво и сигареты вытряхивалась через верхнюю щель за углом или в подъезде.

11

Выяснилась характерная вещь – один нищий может содержать двух-трех квалифицированных рабочих. Новая экономическая политика сулила самые оптимистические перспективы. Ольховский мотался по стихшим в депрессии судоремонтам, вербуя бригаду мастеров и заказывая оборудование.

Колчак с амнистированным Шуркой поехал в Каменку. Жигули заправлялись на корабельные деньги, собранные Шуркиным способом, и это создавало между каперангом и старшиной атмосферу некоей неприятной обоим демократии...

В Каменке им без труда указали дорогу на Бобочино. Через десяток километров узкого лесного проселка, пружинящего под колесом обнаженными корнями сосен, они уткнулись в шлагбаум КПП.

– Начкара позови, – бросил солдатику Колчак, не вылезая из машины.

Выбравшийся из караулки сержант, которого сухопутный военный сразу определил бы как деда, при виде флотского офицера подумал, стоит ли застегнуть воротничок, и не стал.

– Нам на артсклады, сержант, – сурово сказал Колчак.

– Это вы не там свернули, – с ненаказуемой мерой фамильярности по отношению к чужому офицеру отвечал сержант. – Вам в Каменке надо было за Домом культуры на развилке направо свернуть, а вы налево поехали...

Через три минуты военная тайна расположения артскладов Краснознаменного Ленинградского военного округа была выдана с потрохами. Отчаявшись стать находкой для шпиона и развращенный журналистами, военный давно валит все всем подряд.

Территория складов была обнесена бесконечной колючей проволокой, за ней тянулся бетонный забор, пропадая вдаль, а на него накатывался крепостной вал земли, обсаженный дерном. Там, внутри, мегатонный город, распланированный квадратно-гнездовой обваловкой на бесчисленные кварталы пакгаузов, как соты всех будущих войн, хранил их в штабелях зеленых деревянных ящиков и цинковых коробок.

После переговоров жигули вышедшего из моды цвета коррида загнали на площадку у ворот между колючкой и забором, а каперанга с Шуркой провели в одноэтажный барак с облупившейся розовой штукатуркой, архитектура которого отдавала гарнизонной тоской сталинской эпохи.

Шурка остался сидеть в ободранной приемной, а Колчак вошел к начальнику складов.

Начальник попытался осанисто развести плечи в подполковничьих погонах, но добился только того, что из-под галстука отскочила пуговка. Он был похож на прапорщика, попустительством начальства превысившего возрастные и весовые пределы.

Колчак извинился за беспокойство и объяснил небрежно и мягко. Сушная ерунда вынудила – сотня стапятидесятидвухмиллиметровых выстрелов.

– А что не со своих складов? Полтора бэка – фу.

Потому что на флотских складах вышел срок годности короткокалиберным шестидюймовым снарядам, а длиннокалиберные им не подходят. А принято решение к юбилею города торжественно вывести крейсер в Балтику и в присутствии иностранных наблюдателей провести стрельбы. А артснаб все не может найти нужные боеприпасы, потому что подобных орудий давно не стоит на вооружении флота. А от старых наземных систем кое-как подходят. А за проведение стрельб отвечает командир крейсера, и трудности никого не волнуют.

Следует заметить, что все сказанное Колчаком вполне могло быть правдой. Приди кому-то наверху в голову подобная идея – примерно так и сложилась бы реальность. Впрочем, психология бывалого офицера такова, что он способен вникнуть в самые дикие объяснения – служба знакомит с тем, чего и вообразить нельзя.

Подполковник вник до установленного службой предела:

– Везите требование, подписанное в Артуправлении округа. Отпущу хоть вагон – мне полтора боекомплекта не жалко.

Колчак выстелил голос бархатом. Управление требует оплаты, флот жмется по бедности, флагарт закусил удила и скатил на армию телегу через Минобороны – заклинило, короче, взаимопонимание между армией и флотом: так вот, нельзя ли напрямую? И он выразительно потер большой палец об указательный, как будто склеивал жест о'кей.

Напрямую было нельзя категорически и даже якобы вообще нереально. Дистанция между утопией и реальностью измеряется в поллитрах, что делает ее сокращение делом техники. Преодолев указанную единицу пространства-времени, подполковник дружески навалился на стол:

– Слушайте, обратитесь прямо в полк! – Он был лучезарен, как помидор, и приветлив, как малиновка. – Им списать один б/к – плюнуть раз, спишут после первых же боевых полигонных стрельб, а они там регулярно. И тогда по документам этих выстрелов в природе числиться не будет, и взятки гладки хоть со складов, хоть с полка. А насчет этого, – потер пальцы и шелкнул по кадыку, – решите прямо с командиром полка.

Он продиктовал фамилию и телефон.

– Нет, от меня звонить не надо. Да поезжайте прямо так.

Выехав за шлагбаум и дав газ, Колчак произнес так, как это мог бы сказать оплеванный праведник или по крайней мере сторонний наблюдатель:

– Поразительно. Ведь продадут все! Как служить?.. Да будь у нас миллион, Шура, – он бы сам взорвал свой склад. Ну мерзавцы...

– Рыба гниет с головы, товарищ капитан первого ранга.

– Ты на кого намекаешь?

– Никак нет! Я имел в виду президента.

– Он тебя тоже имел в виду.

В полку было спокойно: никто не красил траву зеленой краской и не драил плац зубными щетками. Со стороны пищеблока несло помоями. По дорожке меж казарм перемещались в шеренгу по два шесть воинов, а седьмой сбоку вскрикивал с подвизгом усталого частушечника:

– И-р-рээ! И-р-рээ! и р-рээ, два, три-и!...

Полковник сидел за столом и читал газету Спид-Инфо.

– Уполномочен передать вам приглашение офицеров крейсера Аврора на дружеский ужин, – прямо от дверей шлепнул ему компостер на мозги Колчак.

Полковничьи мозги заставили хозяина улыбнуться растерянно и польщенно. Сами же соображали, что, перефразируя старую мудрость, бесплатный паек бывает только на гауптвахте.

Не уточняя раньше времени количество имеющих быть на ужине офицеров, Колчак выволок его в зеленогорский ресторан Олень – всего сорок минут езды.

Он прибег к старорежимному меню: коньяк и шашлык. Это должно было настроить собеседника на ностальгический лад, когда подобный стол ассоциировался для лейтенантов с верхом кутежа и роскошной жизни, а сам Олень считался шикарным и фешенебельным местом. Недостаток присутствующих офицеров компенсировался избытком бутылок и еды, что как-то утешило полковника.

После третьей он взглянул вопросительно.

– Нужны два б/к для ста пятидесяти двух миллиметров, – сказал Колчак и повторил версию, обкатанную на начальнике складов.

– Дружеский ужин, – сказал полковник. – Сукин сын.

– Э, – сказал Колчак. – За наши прямые попадания!

Стапятидесятидвухмиллиметровые гаубичные снаряды не входят в число дефицитных военных товаров нашего времени. Ценится стрелковое оружие и патроны к нему, гранатометы и ранцевые зенитные ракеты. Из артиллерийских боеприпасов спросом пользуются лишь стадвадцатимиллиметровые унитары для танковых пушек и отчасти – статридцатимиллиметровые выстрелы для дивизионных Д-30.

Взвесив это, полковник стал набивать цену.

– Ты представляешь, что ты просишь?

Колчак легко изложил, как вписываются выстрелы в запись стрельб.

– Умный, – хмыкнул полковник. – А как я буду подотчетные гильзы сдавать?

– А гильзы, – удивился Колчак, – склад покажет использованными до некондиции и вместо отсылки на переснаряжение выбракует на цветмет. Дело бумажное.

– Тебе бы огневым снабжением округа заведовать... А тара?

– Сломалась! Акт о сожжении.

– За ствольную артиллерию! Что не закусываешь?

Начали торговаться.

– Цены сейчас безумные, – округлил глаза полковник. – Сам знаешь – рынок! Даже в прежние времена выстрел стоил семьдесят рублей – как хромовые сапоги. Все так и знали: Огонь! – и полетели сапожки... со свистом... в цель! – он стукнул по столу и ловко подхватил прыгнувшую рюмку.

– Один боекомплект! – сбавил Колчак, прикидывая, что семидесяти пяти снарядов вполне хватит, чтобы Аврора ощущалась вооруженным кораблем. Честно говоря, трудно себе представить, что могут наделать в мирном городе семьдесят пять шестидюймовых снарядов, каждый из которых весит полцентнера и под корпусом сталистого чугуна нафарширован толлом. Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна, а та сторона – вообще конец.

– Давай считать спокойно.

– Давай.

– Сколько сегодня реально стоит выстрел – не знает никто, от вахтера номерного завода до министра обороны. У американцев снаряд стапятидесятипятимиллиметровой гаубицы-пушки стоит четыреста девяносто долларов.

– По этой цене можешь их продать на линкор Нью-Джерси, когда к тебе приедет старпом с него.

– Да?

– Да. Так прямо можешь на меня и сослаться: капитан первого ранга Колчин велел продать вам по четыреста девяносто долларов.

– Остряк, – сказал полковник. – Давай считать!

– Давай!

– Выстрел стоил семьдесят рублей. Тот рубль равен сегодня двум долларам. Хоть бензин, хоть пиджак, хоть водка, хоть как считай.

– Это до кризиса было.

– Кризиса? Какого?

– Последнего.

– Последнего еще не было, мой непотопляемый друг. Все последние у нас впереди. Кризисы постоянны, а стрелять надо всегда – в том смысле, что цены растут после кризисов еще выше. Итого. Сто сорок баксов выстрел. Умножим на семьдесят пять. Официант!!! Спишь?! Калькулятор!

– Семьсот пятьдесят... семь тысяч пятьсот... Что?! Не может быть... семью четыре – двадцать восемь...

– Десять тысяч пятьсот долларов.

– Ты охуел, – сказал Колчак.

– И заметь – сюда входит риск и нарушение присяги. Плюс статья и так далее. Ты понимаешь, чем я рискую?

– Ха! Смотрите на него – он рискует! Люди танки и ракеты продают, а ты из-за вшивого б... б... бэка готов с брата по несчастью последнюю м-м-мошонку содрать. – Колчак чувствовал утомление после третьей за тяжелый рабочий день бутылки. Надо было держаться на остатке сил, предел которых был близок: он пожалел себя. – Какие десять тысяч? – укорил он. – Что ты ноли накатываешь, как в бильярде. Я не бандит и не лицо кавказской национальности. Ты, может, недослышал? Аврора – это не банк и не акционерное общество, а всего лишь крейсер. Его сейчас весь-то за десять тысяч никому не втюхаешь.

– А сколько же ты хочешь?

– Десять баксов выстрел – итого семьсот пятьдесят.

– Счет! – возвестил полковник голосом, каким оглохший от грохота комбат командует: Стой! Записать – цель задымлена! и наполнив этой командой весь зал вплоть до кухни, где их официант компоновал гарниры из недоеденных блюд.

Счет составил девятьсот двадцать рублей, что на тот день равнялось сорока долларам.

– И ты хочешь, чтобы вот за эту выпивку и закуску я отгрузил тебе, значит, четыре выстрела, которыми можно в хлам разнести все ваше говенное Адмиралтейство? – изумился артиллерист. При этом он не мешал Колчаку расплачиваться.

– Повторить! – приказал Колчак официанту. – Мушкой лети!

– 3-зачем? – сурово спросил артиллерист.

– Двадцать, – ответил Колчак. – Это предел. Это полторы штуки баксов! Ты в месяц сколько получаешь?

– Это ты брось. Я же тебя не спрашиваю, почем и кому ты это перетолкнешь.

– Мне для стрельб!

– Стреляй, но не свисти. Для стрельб никто и трешки своей не выкинет. Конечно для стрельб! Но я не интересуюсь, кто будет стрелять, где, в кого и за что – это все не мое дело.

– Слушай, – сказал Колчак и замер с восторгом на краю бездны: – Эх! – ухнул он и в отчаянии ударил по колену. – Вот тебе мое последнее слово! Заедем с другой стороны. Сегодня волга – волга! ГАЗ-3110! новая! теплая! стоит три тысячи. Три тысячи! Я плачу тебе две.

– Почему две?.. Три!

– Две триста.

– Ладно. Две пятьсот.

– Нету, нету, больше нету!

– Черт с тобой. Жмот. За грузовик снарядов – недельную зарплату американского полковника!..

– Ты за год получаешь недельную зарплату американского мусорщика.

– Ненавижу янки, – сказал полковник.

– Короче – когда стрельбы?

– Я тебе позвоню. Но транспорт твой!

Вывалившись из-под вывески в перекошенную холодными фонарями ночь, Колчак сориентировал полковника в сидячее положение внутри такси, махнул вслед красным огонькам и озадачился проблемой возвращения. Он оседал под мухой, лежавшей на плечах, как оленья туша.

Забывший Шурка храпел и тосковал в жигулях.

– Ты водить умеешь?

– Никак нет.

– Садись за руль... Заводи!

– А если вмажемся куда, товарищ капитан первого ранга? – усомнился Шурка.

– И в страшном сне не мечтай. До пенсии будешь мне на ремонт деньги по улицам в свой ящик собирать.

12

Впервые в жизни Ольховский познал счастье труда. Счастье труда – это чувство, которое испытывает заказчик, глядя, как рабочие ремонтируют крейсер Аврора.

Работяги ползали в железном чреве, трещали сваркой, жужжали фрезой и доводили дело до ума при помощи кувалды и многострадальной матери. Они курочили и восстанавливали машину с добродушной невозмутимостью пролетариев на договорной оплате.

Бригадира сводной команды звали Юрий Арсентьевич. Арсентьевич поседел в трудах, не учтенных никакими планами и сводками. Свой путь организатора производства он начал много лет назад с должности заместителя директора Казанского собора по хозяйству. Собор выполнял официальную функцию Музея истории религии и атеизма, а его завхоз – функцию снабженца дачных строек, продавая кровельную жечь, доски, кафель и цемент, и поставляя напрокат грузовичок и старый автобус. Обеспечивал он и рабсилой, не давая засидеться четверем подчиненным бездельникам. В результате проведенной в соборе реставрации образовались дача, машина и беременная машинистка. Музею остались запах опиума для народа и выбранные на десять лет вперед фонды. Ольховский нарыл умельца в конторе Балтийского завода.

Все необходимое тащилось или изготавливалось на заводском оборудовании из заводских материалов. Подмазка на лапу и расчет черным налом снижали себестоимость до взаимоприемлемого уровня. Приблизительно так можно обменять казенный танк на собственный запорожец.

Обжившись и оглядевшись в низах, Арсентьич представил полную смету. Цифра обездвижила Ольховского. Так окаменела жена Лота при взгляде на счет, который подали Сверху ее городу.

Быть яхтсменом – дорогое удовольствие, как заметил один кинопродюсер покупающему корабль викингу. Авианосец Форрестол стоит четыре миллиарда долларов. Яхта Сильвестра Сталлоне – девять миллионов. И даже средней паршивости катерок обходится не дешевле лимузина, который не заработать на паперти усилиями двадцати матросов.

Конечно, если бы экипаж Авроры насчитывал штатных шестьсот человек, и всех их заблаговременно погнать в город собирать подаяние, крейсер можно было бы содержать в боевом порядке и поныне. Так кто ж знал...

Ольховский оставил в смете лишь то, без чего обойтись было вовсе невозможно, итог здраво поделил на два, а Мознаиму приказал проговориться Арсентьичу, что командир собирается менять его на более дешевого мастера. И решил подождать эффекта.

Если беда приходит обычно с той стороны, откуда ее не ждали, то ведь и счастье имеет обыкновение являться без фанфар и белого коня. Спасение пришло оттуда, откуда никто ничего хорошего не подозревал – исламский фундаментализм протянул братскую руку помощи балтийским морякам в их нелегкой доле. Может, это был и не фундаментализм – авроровцы были не сильны в нюансах ислама, и вряд ли сумели бы назвать разницу между суннитами и шиитами.

Пожаловавшее лицо в сопровождении подобающей свиты возникло из неких эмиратов, которые стремились к прогрессу. Для продвижения к прогрессу им нужны были четыре ракетных катера. Лицо прибыло для их закупки, и его вылизывали по полной программе, надеясь втюхать еще пару дизельных лодок.

По случаю визита на Аврору араб облачился в адмиральскую форму с орлами чуть меньше натуральной величины. Их золотые крылья затеняла пестрая арафатка, придавленная к голове плюшевым обручем.

Палубу очистили от курсантов. Ольховский сопровождал этого Синдбада-морехода по кораблю.

На мизинце синдбада горел бриллиант размером с макаровскую пулю. Бриллиантовая дробь разных калибров украшала орденскую звезду и заколку галстука. Когда он протянул руку для пожатия, с манжеты мигнул еще один бриллиант. Блеск его высочества рождал разные мысли...

Ольховский задержался рядом с вахтенным и тихо отдал несколько кратких приказаний.

На баке синдбад заглянул в ствол орудия, в рубке подвигал штурвал, в музее постоял с вежливым лицом.

В адмиральском салоне Ольховский отсчитал себе: раз, два, три, мысленно попросил прощения у Господа и родителей, встал и провозгласил:

– Аллах акбар!

В качестве тоста это вызвало замешательство обеих сторон. Российская сторона в составе контр-адмирала и капраза из Управления флота округлила глаза и рты и впала в некоторое затруднение. Синдбад подтвердил: Аллах акбар, и серьезным выражением лица дал понять, что это заявление слишком ответственно для тоста. А переводчик, парнишка лейтенантских лет, вполголоса пояснил, что правоверные мусульмане вообще не пьют, и как раз потому, что Аллах, который акбар, решительно против, так что упоминание его в данном контексте неуместно до предела; вообще же выпить можно, только тихо и после захода солнца.

Реакция Ольховского была достойна Александра. Он кликнул вахтенного и приказал играть спуск флага. Вахтенный с искаженным лицом отправился командовать построение. А Ольховский пригласил синдбада на палубу, где перед строем команды и объяснил через переводчика, что на кораблях Российского флота ночь наступает тогда, когда спущен флаг, а флаг спускается тогда, когда постановлено командованием и обычаем.

Интереснее всего было в этот момент смотреть на нашего адмирала. Он тяжело дышал, и при напряжении желваков у него шевелились уши. Он пытался понять, похвален ли поступок Ольховского как изящный дипломатический ход, или заслуживает товарищеского расстрела как святотатство. Но хотелось мира и выпивки, и сомнение было решено в пользу командира.

Флаг был спущен. Горнист исполнил захождение. Команда дергала лицами от восторга.

Строго говоря, команды не было. Четыре офицера, два мичмана, кок и вестовой, изо всех сил компенсируя свою малочисленность торжественной истуканностью стойки, могли сойти разве что за ассистентов при знамени. Но, захваченные ситуацией, гости не поинтересовались, к облегчению Ольховского, где же, собственно, матросы.

– Вот и ночь! – объявил Ольховский, узурпируя функции Творца.

Видимо, арабу нравился его визит, потому что он согласился выпить. Ольховский же щелкнул пальцами лейтенанту Беспятым и велел приготовиться переводить, бо переводчик скоро выйдет из строя.

Управленцев с переводчиком споили жестко и безжалостно.

Ольховский приступил.

– Вестовой! – громко скомандовал он. Вестовой при полном параде, ждавший за дверью, грянул строевым, поставил на стол коробку и четко удалился.

Под официальные аплодисменты собравшихся Ольховский принялся одаривать синдбада сувенирами, собранными с корабля: лента с надписью Аврора, значок За дальний поход, гюйс, матросский ремень с надраенной бляхой и – фуражка в белом чехле. В заключение были значительно вручены погоны с двумя просветами, оснащенные во всю ширину головными кокардами с золотыми листьями и звездами: это тянуло на знаки различия примерно адмирал-фельдмаршала, соответствия важности задачи и самолюбию востока.

Синдбад установил фуражку на арафатку и отдал честь. Даже подвергнутые алкогольному наркозу трое наших не портили церемонии, придавая ей национальный колорит.

– Лейтенант! – возвысил голос Ольховский.

По этой команде вошел Беспятых, стуча каблуками, как метроном. В белых перчатках он сжимал перед грудью кортик. Типовой кортик был куплен за это время на сувенирном лотке у Петропавловки.

Ольховский строго выпрямился, двумя руками прижал кортик к груди (это совмещение восточного этикета с морским обрядом оказалось довольно неудобно) и через стол протянул арабу, как рыцарский меч.

– Господа офицеры – встать! Юра – переводи! Имея честь – торжественно принимать – господина главнокомандующего военно-морскими силами... блядь, как его страна называется?... ладно, обойдемся... дальше: данной мне на борту властью – от имени – Верховного Главнокомандования...

– Товарищ командир, это уже как-то по-сталински – Верховное Главнокомандование, – тихо поправил Беспятых, выстраивая в голове свои английские слова.

– Насрать, хуже не будет. Переводи как можешь, но покруче. Дальше: я торжественно посвящаю его в офицеры Российского... славного, не забудь, – Военно-Морского флота. Ура!

Араб обнажил кортик и поцеловал лезвие. Ольховский ощутил неловкость, словно обманивал ребенка. Конечно, спьяну и не то поцелуешь... Ни хрена, – подумал он, – если я аллах акбар, так и ты целуй. Как это у дипломатов? – симметричные меры.

– Старший лейтенант! – выкликнул он, повышая чины в соответствии с наращиванием событий до кульминации.

Следующим и последним промаршировал доктор. В руках он имел белую коробочку из-под антигеморройных свечей. Белых перчаток этот идиот не нашел, и надел медицинские резиновые.

Ольховский раскрыл коробочку, как ларец Али-Бабы, и произвел кощунственную процедуру награждения араба орденом Красной Звезды. Орден был куплен на том же лотке, что кортик; доктор успел отчистить его до новизны нашатырем и зубной пастой.

Орден прикрепили к мундиру. Выпить за это полагалось до дна и стоя. Трудно было не столько пить, сколько стоять.

И тогда Ольховский произнес речь. Суть сводилась к тому, что команда братского крейсера Аврора просит братского командующего военно-морскими и вообще всеми братскими силами Зимбабве или Иордана, или как там эта кочка на теплом берегу называется, одолжить Авроре до Нового года десять тысяч долларов.

– Транш, – убедительно произнес Ольховский. – Кредит. Ленд-лиз.

Люди востока выдержанны. Бек-паша ничем не нарушил достойное выражение лица. Он произнес ответную речь. Беспятых вылавливал блоки дружба между нашими народами, путь к прогрессу, военно-морские силы и обстраивал соединительными словами, переводя. Талант синхрониста в находчивости.

– Эту всю муть пропускай, – обидно пренебрег Ольховский. – Он про деньги сказал?

– Никак нет...

– Дрянь!

Оставался последний резерв – третье лотошное приобретение.

– Подавись, сука, – сказал Ольховский. – Стой! это не переводы. – Он снял с руки новенькие Командирские и вложил в руку арабу. – А это лично от меня, скажи так, чтоб он понял. И если он ничем не ответит, то следующего араба я скину за борт с гирей на шее, предварительно заставив сожрать швабру. Стой!!! это не переводы.

Но арабский главвоенмор не был неблагодарной скотиной. Он через стол потянулся обнять Ольховского, трижды приложился щекой, снял с запястья свои часы и подарил ответно.

Сердце Ольховского упало. Он все пытался определить навороченный Ролекс или хотя бы Омегу, возможно в золоте с брильянтами. Они как раз тянули бы штук на десять, а может и пятьдесят, учитывая класс владельца.

Это же был некий Shopard в обычном металлическом корпусе, и всей радости, что Swiss made.

Ольховский почернел и свернул процедуру.

Когда высокопоставленного поганца сводили к лимузину, а русскую часть свиты укладывали в волгу, из ясных сумерек появился свитский араб, который, оказывается, незаметно исчез с банкета. Он передал хозяину конверт, а тот дружески и небрежно вручил его Ольховскому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.